This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

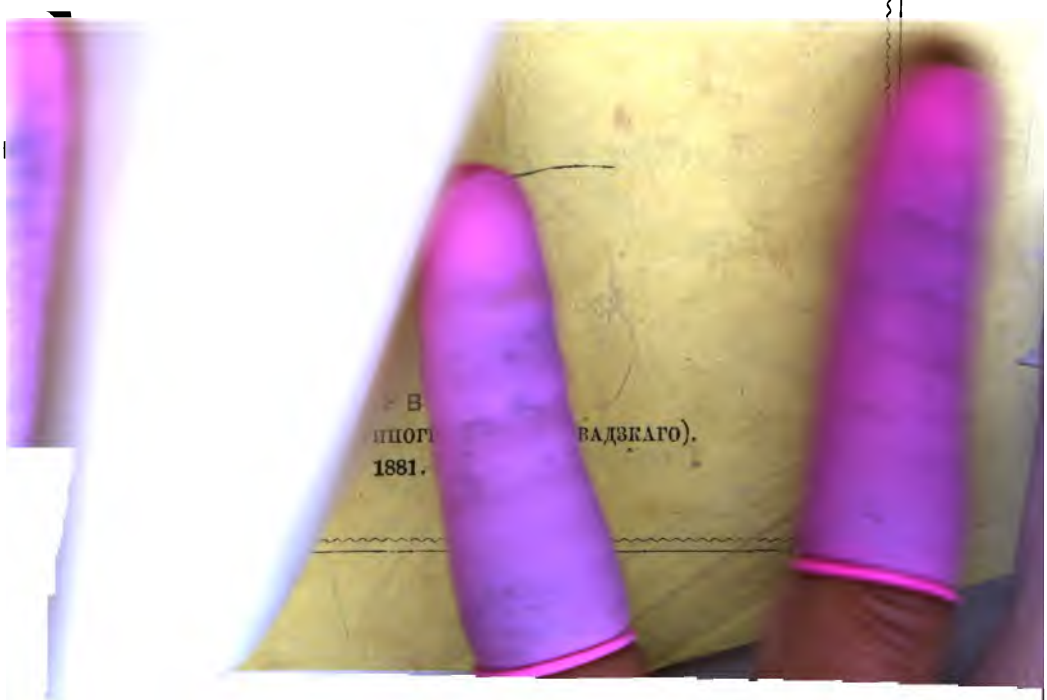
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

JN
6500
L54

LINNIECHENKO
VIECHE VE KIEVSKOI
OBLASTI.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

АСТИ.



ВѢЧЕ

ВЪ

КІЕВСКОЙ ОБЛАСТИ.

КАНДИДАТСКОЕ СОЧИНЕНІЕ

Ивана Линниченка.

КІЕВЪ
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (Г. ЗАВАДЗКАГО).
1881.

ИАЛКОВСКАЯ
Г, VIII, 57.
ИБЛЮТЕКА.

Linnichenko, I. A.

ВѢЧЕ

ВЪ

КІЕВСКОЙ ОБЛАСТИ.

КАНДИДАТСКОЕ СОЧИНЕНІЕ

Ивана Линниченко.

HOOVER LIBRARY

КІЕВЪ
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (І. ЗАВАДЗКАГО).
1881.

ЭРК

JN6500
L54

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра, 1881 го

Въ смѣнѣ синтеза анализомъ и опять анализа синтезомъ состоитъ движеніе каждой науки. Лишь только извѣстный рядъ однородныхъ фактовъ выдѣлился въ отдѣльную науку, является стремленіе подвести эти факты подъ нѣсколько общихъ положеній,—и вотъ является научная система; но проходитъ время, старая система падаетъ, синтезъ уступаетъ мѣсто анализу; въ лишенномъ объединяющей силы матеріалѣ стараются найдти органическія части, изучаютъ каждую отдѣльно, и когда эта аналитическая работа достаточно произведена, является новый высшій синтезъ.

Разрушеніе старой системы можетъ произойти двумя путями: или найдены новые факты, рѣзко противорѣчащіе прежнему синтезу, или же факты остаются тѣ же, но измѣняется взглядъ на ихъ значеніе, на ихъ соотношеніе. Въ опытныхъ наукахъ чаще первый случай, въ общественныхъ,—второй. Плодотворное положеніе, добытое въ одной наукѣ (напр. теорія развитія) переносится въ совершенно иную,—и факты этой науки получаютъ сразу иное освѣщеніе, а старая система рушится.

Въ переходномъ состояніи отъ синтеза къ анализу находится теперь наука Русской исторіи. Прежніе синтезы признаны несостоятельными, новые еще преждевременны. Недавно народившаяся (или лучше недавно развитая) такъ наз. этнографическая теорія имѣетъ, по моему мнѣнію, глубокое логическое значеніе относительно нашей древней исторіи; она естественнымъ образомъ явилась на мѣстѣ разрушенія старой государственной системы, которая смотрѣла на древнюю Русь какъ на монархію съ Кіевскимъ великимъ княземъ во главѣ, явленія древнерусской жизни старалась подводить подъ одну общу схему. Когда ясно уразумѣли истину постепеннаго развитія учрежденій, когда общее теперь мѣсто, что явленія прошлаго невозможно разсматривать съ точки

зрѣнія современныхъ понятій, стало общимъ достояніемъ, государственная теорія, чистое перенесеніе настоящаго въ прошедшее, тотчасъ же пала. Стали снова внимательно изучать нашу исторію и искать въ ней органическихъ частей; такія части этнографическая теорія нашла въ отдѣльныхъ племенахъ, на которыя распадалась древняя Русь и сообразно которымъ стремились слагаться удѣльныя княжества. Распаденіе Руси на удѣлы получило тогда совсѣмъ другой смыслъ; причину распаденія увидѣли не въ правѣ каждаго члена княжеской семьи на удѣлъ, а въ стремленіи племенныхъ областей къ самостоятельности. Въ исполненіи этнографами-историками своей задачи можно найти не одну неточность, но, повторяю, эта теорія имѣетъ важное значеніе, какъ стремленіе найдти въ древней русской исторіи ея органическія части.

Вмѣстѣ съ тѣмъ явилось и сознаніе, что каждую отдѣльную сторону древне-русской жизни нельзя вводить въ общую схему, пока она не будетъ изучена въ каждой органической части т. е. въ каждомъ областномъ княжествѣ отдѣльно. Посколько отдѣльныя племена, изъ которыхъ сложилось русское государство, жили долго особою жизнью, стремились къ обособленію, имѣли разную участь, постолько и общія всѣмъ имъ стороны жизни должны были терпѣть отраженіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ и значительно измѣняться.

Всѣ эти соображенія опредѣляютъ если не выборъ темы, то ея объемъ (Вѣче въ *Кіевской области*).

ВѢЧЕ ВЪ КІЕВСКОЙ ОБЛАСТИ.

I.

Вѣчевой строй древней Руси не могъ быть однимъ и тѣмъ же на протяженіи долгаго періода своего существованія, (оффиціальный конецъ вѣчевой жизни относится къ концу XV и началу XVI ст., но отголоски его сказались и позже; точно также, если по лѣтописи мы можемъ опредѣленно указать на вѣчевой строй лишь въ XI в., несомнѣнно однако, что эта форма быта была гораздо старше). Вѣче было жизненной, стало быть измѣнчивой формой, характеръ его обусловленъ былъ историческими обстоятельствами. Съ древнѣйшихъ временъ Русь довольно рѣзко разбивалась на участки съ самостоятельной жизнью; каждая такая часть, хотя и сохраняла общее съ остальными наслѣдіе (языкъ, бытъ и религію), тѣмъ не менѣе историческая жизнь, слагавшаяся совершенно особно для каждой области, должна была неодинаково подѣйствовать на тѣ общія всѣмъ стороны, которыя она въ нихъ застала. Поэтому каждую изъ сторонъ древне-русской жизни, а слѣд. и ту, разсмотрѣніе которой составляетъ нашу задачу, вѣчевой строй, слѣдуетъ разсматривать не иначе, какъ 1) въ историческомъ развитіи, 2) по областямъ.

Въ сферѣ дѣятельности вѣча можно, кажется, отмѣтить двѣ стороны, имѣвшія далеко неодинаковую судьбу: вѣче съ значеніемъ хозяйственной и административно-полицейской единицы и вѣче—органъ политической власти народа. Вѣче съ первымъ значеніемъ существовало у насъ непрерывно; нынѣшняя община-автономическая единица для хозяйственныхъ и административныхъ цѣлей—его непосредственное продолженіе. Какъ эта первая сторона дѣятельности вѣча никогда не умирала, такъ напротивъ судьба вѣча съ значеніемъ политическаго, верховнаго органа народа была очень измѣнчива, смотря по времени и обстоятельствамъ. Бывали періоды полнѣйшей, повидимому, атрофіи вѣча, но создавались новыя благопріятныя условія,—и политическое значеніе его снова оживало.

Г. Сергѣевичъ (Вѣче и князь), собравши факты вѣчевой жизни древней Руси, синтезировалъ ихъ и пришелъ къ выводу, что вѣче и князь—два одинаково существенные элемента древне-русскаго общественнаго быта. Вѣчевой строй былъ явленіемъ необходимымъ въ нашей древней исторіи, а потому и всеобщимъ. Разбирая теорію г. Сергѣевича, г. Самоквасовъ (Замѣчанія по исторіи русскаго государственнаго устройства и управленія, Ж. М. Н. П. 1869 11 и 12 кн.) совершенно справедливо указалъ на то, что г. Сергѣевичъ упустилъ другой важный научный путь—аналитическій, а между тѣмъ анализъ приведенныхъ г. Сергѣевичемъ фактовъ могъ бы ему показать, что въ числѣ ихъ есть сходные только по имени (такъ какъ слово „вѣче“ имѣетъ не одно, а три значенія), а не по существу. Но г. Самоквасовъ, выставившій противъ теоріи г. Сергѣевича свою, сущность которая состоитъ въ томъ, что въ каждой области дѣйствовало не 2 элемента (князь и вѣче), а какой нибудь одинъ—или князь, или вѣче, употребилъ совершенно не научный пріемъ: онъ проводитъ параллель между Кіевомъ и Новгородомъ и находитъ въ первомъ чистую монархію, во второмъ чистую демократію, но при этомъ онъ разсматриваетъ вѣче въ обѣихъ областяхъ не на всемъ пространствѣ его существованія, а вырвавъ эпохи, которыя бы лучше гармонировали съ его теоріей. Для Новгорода г. Самоквасовъ береть время наибольшаго развитія его политической свободы, для Кіева же ограничивается періодомъ до Всеволода Ольговича. Едва ли бы г. Самоквасовъ пришелъ къ своимъ выводамъ, еслибы разсмотрѣлъ все время вѣчевой жизни и Кіева и Новгорода; онъ бы встрѣтилъ въ первомъ во 2-ой половинѣ XII в. неоспоримые факты призванія князя (чего онъ не хочетъ признавать для Кіева), въ другой стороны онъ увидѣлъ бы и въ Новгородѣ періодъ, когда его политическая свобода и права была нисколько не шире, чѣмъ свобода Кіева за періодъ первыхъ сильныхъ кіевскихъ князей, когда новгородскій посадникъ и епископъ присылались изъ Кіева, когда старшій сынъ кіевскаго князя по своему рожденію а не по призванію сидѣлъ на новгородскомъ столѣ. Сравнивать можно только предметы тождественные между собою, поэтому брать для сравненія средину Новгородскаго вѣча и начальный періодъ (по крайней мѣрѣ по лѣтописи) кіевскаго—пріемъ вовсе ненаучный. Средина же кіевскаго вѣча, эпоха наибольшей его силы и значенія—есть половина XII в., періодъ до того времени соотвѣтствуетъ періоду полнаго подчиненія Новгорода кіевскому князю.

Безъ всякаго сомнѣнія, мѣста лѣтописи, гдѣ помянуто слово „вѣче" не единственные факты вѣчевой жизни. Такихъ мѣстъ въ лѣтописи даже сравнительно мало; по большей части выраженія лѣтописи указываютъ или на результатъ вѣчеваго собранія (напр. послаша, позваша), или же на совѣщаніе народа, какъ выраженіе вѣчеваго строя, но безъ упоминанія слова вѣче напр. сдумавше Кіане). Однако, какъ съ одной стороны не всѣ мѣста лѣтописи, гдѣ стоитъ слово вѣче, можно принимать за прямое свидѣтельство вѣчевой жизни (г. Самоквасовъ Ж. М. Н. П. 1869 12 p. 217 sq.) совершенно справедливо указываетъ на троякое значеніе слова „вѣче" въ лѣтописи 1) какъ совѣщанія вообще 2) какъ народнаго собранія вообще 3) какъ органа политической власти народа, такъ еще болѣе осторожно слѣдуетъ пользоваться для доказательства существованія и опредѣленія характера вѣчевой жизни древней Руси тѣми мѣстами лѣтописи гдѣ народоправство выражено употребленіемъ глагола во множественномъ числѣ, (вдашася, отвориша). Въ такихъ случаяхъ должно изслѣдовать внутренній смыслъ передаваемаго факта въ связи съ историческими событіями, отъ которыхъ онъ зависѣлъ. Г. Сергѣевичъ сдѣлалъ ошибки въ обоихъ направленіяхъ: съ одной стороны онъ пріурочилъ къ доказательствамъ вѣчевой жизни Галича такой фактъ, какъ мѣсто Галицко-Волынской лѣтописи подъ 1231 годомъ—„Данилу созвавшу вѣче", между тѣмъ какъ это вѣче состояло изъ 18 человѣкъ его отроковъ и, очевидно, было только военнымъ совѣтомъ [1]). Съ другой стороны г. Сергѣевичъ беретъ въ доказательство вѣчеваго строя такіе факты, которые возможны вездѣ, всегда, при всякомъ строѣ жизни, при всякомъ образѣ правленія, напр. факты въ родѣ того, что граждане извѣстнаго города затворились отъ враговъ, вышли какому нибудь князю на встрѣчу и пр.

До половины XI ст. факты сообщаемые лѣтописью, носятъ отрывочный и часто легендарный характеръ, среди нихъ слѣды вѣчевой жизни являются лишь въ качествѣ намековъ. Сопоставимъ эти скудныя данныя лѣтописи.

Съ первыхъ же страницъ лѣтопись сообщаетъ о княжеской власти у большей части племенъ восточныхъ славянъ. „И по сеи братьи (Кій съ братьями) почаша дѣржати родъ ихъ княжение въ Поляхъ, а въ

---

[1]) Самоквасовъ Ж. М. Н. П. 1869 11 93—94.

Деревляхъ свое, а Дрѣговичи свое, а Словѣне свое въ Новьгородѣ, а другие на Полотѣ, иже и Полочанѣ". Это общее замѣчаніе подтверждается далѣе частными фактами, (иногда князья называются даже по именамъ). Разсказывая о контрибуціи, которую Олегъ взялъ съ Цареграда, лѣтопись говоритъ: „и заповѣда Олегъ... даяти углады на Рускіе городы: пѣрвое на Киевъ, таже и на Черниговъ и па Переяславль и на Полътескъ и па Ростовъ и на Любечь и на прочая городы, по тѣмь бо городомъ сѣдяху князья, подъ Ольгомъ суще" (Ип. 18).

Если при разсмотрѣніи этого мѣста лѣтописи можетъ еще возникнуть сомнѣніе, не слѣдуетъ ли здѣсь подъ князьями понимать намѣстниковъ изъ дружины Олега, то есть и прямыя указанія на существованіе мѣстныхъ князей: Древляне имѣли князя Мала (фразу Деревьскихъ пословъ: „а наши князи добри суть, иже распасли Деревьску землю", одни принимаютъ за доказательство сосуществованія нѣсколькихъ князей въ Деревьской землѣ, а другіе просто какъ указаніе на рядъ послѣдовательныхъ князей; первое кажется вѣрнѣе: Деревьскіе послы характеризуютъ жестокаго Игоря названіемъ волка, расхищающаго стадо, въ противуположность къ своимъ мирнымъ земскимъ князьямъ). Поученіе Владиміра Мономаха говоритъ о князѣ Вятичей Ходотѣ (очевидно, мѣстномъ) за то время, когда Вятичи давно уже были покорены кіевскими князьями. Наконецъ лѣтопись говоритъ о самостоятельномъ родѣ князей въ Полоцкѣ и глухо намекаетъ на существованіе мѣстнаго князя въ Туровѣ (Бѣ бо Рогъволодъ перешелъ изъ заморья имяше волость свою Полотьскѣ, а Туръ-Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася Ип. 50).

Но на ряду съ такими несомнѣнными указаніями на существованіе своихъ мѣстныхъ князей у русскихъ Славянъ лѣтопись нѣкоторыми намеками даетъ право предполагать у нихъ общинную форму жизни и вѣчевое ея проявленіе.

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братья сея (Кій съ братьями), быша обидимы Деревляны (Поляне) и инѣми околными, и паидоша я Козаре, сѣдящая в лѣсѣхъ на горахъ, и рькоша Козарѣ „платите намъ дань" *задумавше же Поляне* и вдаша отъ дыма мечь (Ип. 9) [1]).

---

[1]) Не хочетъ ли преданіе указать этимъ на особую воинственность Полянъ? Другія племена платятъ по шелягу, по вѣверицѣ, а Поляне по мечу отъ дыма. „И рѣша старцѣ Козарстии „не добра дань, княже! мы

„Посла Олегъ къ Радимичемъ, рця", кому дань даете? Они же рѣша „Казаромъ" И рече имъ Олегъ: „Не давайте Казаромъ, но мнѣ давайте: и вдаша Ольгови по щелягу отъ рала, якоже и Козаромъ даяху (Ип. 14).

Интереснѣе всего и полнѣе для характеристики строя жизни отдѣльныхъ племенъ общеизвѣстный разсказъ лѣтописи объ убіеніи Игоря Деревлянами, о послѣдовавшемъ за тѣмъ сватовствѣ Ольги Деревлянами за ихъ князя и наконецъ о мести Ольги за смерть мужа. Мы можемъ отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что, несмотря на существованіе у Деревлянъ князя, политическимъ органомъ является не онъ, а Деревьская земля; отъ ея имени, а не отъ имени князя являются къ Ольгѣ послы и сватаютъ ее за своего князя, т. обр. Деревляне какъ бы распоряжаются княземъ, рѣшаютъ, что для ихъ общаго блага князь долженъ взять въ жены вдову Игоря.

Къ разряду фактовъ, указывающихъ на присутствіе началъ народоправства въ такъ назыв. (очевидно, совершенно неправильно) доклюжескую Русь, относится и знаменитое мѣсто призванія князей сѣверными общинами. Неправдоподобнымъ въ этомъ фактѣ кажется только призваніе князей иноземныхъ при полной возможности имѣть своихъ мѣстныхъ князей, самый же фактъ призванія не представляетъ ничего не вѣроятнаго; зависимое положеніе князя (напр. у Деревлянъ) ясно показываетъ, что онъ былъ выборнымъ.

Итакъ, сопоставивъ вышеприведенныя мѣста лѣтописи, можно б. или м. опредѣленно утверждать, что почти каждое отдѣльное племя

доискахомся оружьемъ одиноя страны, рѣкше саблями, а сихъ оружье обоюдуостро, рекше мечи; си имуть имати и на насъ дань и на инѣхъ странахъ се же събысться все, (Ип. 9). Впрочемъ лѣтопись черезъ одну страницу опровергаетъ сама себя; „а Козаре имахуть на Полянехъ и на Сѣверехъ и на Вятичихъ, имаху по *бѣлѣ* и *вьверицѣ* тако отъ дыма". Вѣроятно, послѣднѣе есть фактъ, а первое легенда, которой народъ хотѣлъ скрасить тяжелый для своей памяти фактъ подчиненія; такія наивныя утѣшительныя легенды не рѣдки въ исторіи народныхъ преданій, наиболѣе извѣстна схожая съ вышеприведенной легенда объ изгнаніи Галловъ изъ Рима. См. также Костомаровъ преданія первоначальной русской лѣтописи Моногр. т. XIII стр. 44, который считаетъ источникомъ этого преданія пѣсню, сложившуюся уже тогда, когда русскіе одерживали побѣды надъ Козарами.

имѣло у себя княжескую власть, но тѣмъ не менѣе община дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно въ политическомъ отношеніи. Так. обр. хотя точно мы и не знаемъ характера и правъ княжеской власти за этотъ древнѣйшій періодъ, однако приведенные факты не позволяютъ согласиться съ формулой г. Градовскаго (по крайней мѣрѣ за этотъ древнѣйшій періодъ), что князь замѣнилъ общину какъ политическую единицу, вытѣснивъ ее изъ политической сферы; внѣшнія сношенія, войну и миръ община рѣшаетъ безъ посредства князя.

Мы имѣемъ очень мало фактовъ, чтобы судить о внутреннемъ самоуправленіи отдѣльныхъ земель за этотъ древнѣйшій періодъ, тѣмъ не менѣе есть основаніе предполагать, что земля управлялась посредствомъ выборныхъ людей, (старѣйшинъ, лучшихъ людей). Слѣд. факты, дающіе право предполагать такой порядокъ вещей, сохранились въ лѣтописи:

Деревляне посылаютъ къ Ольгѣ послами лучшихъ мужей, иже дѣржатъ Деревьскую землю (Ип. 36).

Взявши Коростѣнь, Ольга ижьже *старѣйшины* города (Ип. 38). Во время осады Бѣлгорода Печенѣгами „людье створиша вѣче", на которомъ рѣшаютъ вопросъ о сдачѣ города Печенѣгамъ въ утвердительномъ смыслѣ, но старѣйшины города принимаютъ совѣтъ одного старца, противуположный рѣшенію вѣча и собственной властью откладываютъ рѣшеніе вѣча о сдачѣ города (лѣтопись не говоритъ, чтобы было другое вѣче для обсужденія предложенія старца).

Разсказывая о пирѣ, который задалъ Владиміръ по случаю построенія храма въ Василевѣ, лѣтопись говоритъ, что Владиміръ „зваше бояры своя и посадники и *старѣйшины по всимъ градомъ* и люди многи" (Ип. 86).

Приведенныя мѣста свидѣтельствуютъ только, что земля управлялась старѣйшинами, но не говорятъ, были ли они выборные или нѣтъ. Но во 1-хъ слова посольства „посла ны Деревьская земля" ясно говорятъ, что верховная власть считалась за общиной, въ зависимости отъ которой находился и самъ князь (см. выше); считать же старѣйшинъ представителями родовъ,—значитъ основывать свои выводы на давно поколебленномъ мнѣніи о существованіи у насъ крѣпкаго родоваго быта въ эпоху т. наз. призванія князей.

Такимъ образомъ автономія общины, управляемой выборными старѣйшинами съ земскимъ княземъ, зависѣвшимъ отъ верховной власти

земли, во главѣ—вѣроятный характеръ политическаго быта отдѣльныхъ племенъ древней Руси.

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы въ періодъ, предшествовавшій такъ наз. призванія князей, т. е. до IX столѣтія по лѣтописи, общественный бытъ Полянъ рѣзко отличался отъ быта общаго остальнымъ племенамъ русскихъ Славянъ; „сдумавше же Поляне и вдаша отъ дыма мечь (Козарамъ Ип. 9); позднѣйшая исторія Полянъ также доказываетъ существованіе у нихъ сознанія о верховной власти земли, о правѣ призывать и изгонять князей (объ этомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи).

Мы имѣемъ очень мало фактовъ, чтобы судить о характерѣ народоправства за время первыхъ князей, Олега, Игоря, Святослава,—лѣтопись говоритъ только о внѣшней сторонѣ ихъ княженія—непрерывныхъ походахъ.

Больше извѣстій имѣемъ за время Владиміра. Это былъ болѣе прежнихъ осѣвшій князь (особенно во второмъ періодѣ княженія, т. е. съ принятія христіанства), и вотъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописи указанія на его совѣщанія со старцами. Что же такое были эти старцы?

Мѣста лѣтописи въ которыхъ фигурируютъ старцы, слѣд.:

В лѣто 6491 (983) иде Володімиръ на Ятвягы и взя землю ихъ, и приде къ Киеву и творяше требу кумиромъ с людми своими; и рекоша *старци и бояре* „мечемъ жребий на отрока и дѣвицю, на него же падеть, того зарѣжемы богомъ“; такимъ образомъ тутъ старцы и бояре собственной иниціативой рѣшаютъ вопросъ объ общенародномъ жертвоприношеніи.

„Въ лѣто 6495 (987). Съзва Вълодімерь бояры своя и *старци градскыа*... онъ передаетъ имъ рѣчь пословъ, предлагавшихъ перемѣну религіи. Старцы и бояре рѣшаютъ отправить посольство изъ 10 человѣкъ для испытанія относительнаго достоинства религій [1]). По возвра-

[1]) Фактъ посольства въ разныя страны для испытанія вѣръ отрицается многими изъ современныхъ изслѣдователей, см. напр. Костомаровъ Моногр. т. XIII, p. 153 и особенно въ высшей степени замѣчательный трудъ проф. Голубинскаго, Исторія Русской Церкви, p. 98 sq., но отрицаніе это не подрываетъ значенія вышеприведеннаго мѣста лѣтописи какъ свидѣтельства о старцахъ;—въ исторіи часто важна не истинность передаваемаго факта, а бытовая обстановка, въ которой онъ разсказанъ.

щеніи пословъ, Владиміръ снова сзываетъ бояръ и старцевъ,—посланцы даютъ передъ ними отчетъ о своемъ путешествіи (Ип. 73—74). (Владиміръ говоритъ посламъ „скажите предъ дружиною“. Въ лѣтописи слова дружина употребляется съ троякимъ значеніемъ: 1) въ общемъ значеніи—какъ названіе для собранія людей, съ которыми у тебя дружественныя отношенія, 2) въ болѣе частномъ—войска, безъ различенія княжескіе ли отроки составляютъ военную силу, или земское ополченіе или тѣ и другіе вмѣстѣ, 3) въ самомъ тѣсномъ значеніи княжеской гвардіи. Въ данномъ случаѣ слово дружина употреблено, очевидно, съ первымъ значеніемъ).

Старцы участвуютъ здѣсь въ обсужденіи и рѣшеніи столь важнаго вопроса, какъ перемѣна религіи.

Владиміръ сталъ казнить разбойниковъ, но „рѣша епископы и *старци* „рать многа, а еже вира, то на конихъ и на оружьи буди“. И рече Володимиръ „да тако буди“. Лѣтопись прибавляетъ „и живяше Володимиръ по строенью дѣдню и отню“ (Ип. 87).

Значеніе старцевъ спорное. Карамзинъ говоритъ: „Несторъ упоминаетъ о градскихъ старѣйшинахъ, которые лѣтами, разумомъ и честію заслуживъ довѣренность могли быть судіями въ дѣлахъ народныхъ [1]). Соловьевъ [2]) видитъ въ старцахъ старѣйшихъ въ родѣ. Проф. Хлѣбниковъ [3]) (который, подобно Соловьеву, смѣшиваетъ старѣйшинъ со старцами) думаетъ также, что званіе старѣйшинъ (=старцами) было ничто иное, какъ титулъ, которымъ пользовались главы рода. Впрочемъ мнѣнія своего г. Хлѣбниковъ ничѣмъ, кромѣ аналогіи съ англосаксами, у которыхъ слово ealdorm (старѣйшина) сдѣлалось впослѣдствіи титуломъ, и примѣромъ германцевъ, у которыхъ слово graf выработалось изъ gross, не подкрѣпляетъ. Г. Сергѣевичъ [4]) считаетъ старцевъ людьми преклонныхъ лѣтъ, вліятельныхъ опытомъ и мудростью—но оффиціальнаго значенія онъ за ними не признаетъ. („Обязанности подчиняться совѣту старцевъ не существовало ни для князя, ни для остальныхъ людей“).

Слѣдуетъ прежде всего строго отличать старцевъ отъ старѣйшинъ

---

[1]) Ист. Госуд. Россіи, I. стр. 240.

[2]) Ист. Россіи, т. I стр. 216.

[3]) Общ. и Госуд. въ до-Монг. періодъ, стр. 23—24.

[4]) Вѣче и князь, стр. 44 прим. 48.

Старѣйшины являются въ лѣтописи съ оффиціальнымъ значеніемъ —правителей. У Деревлянъ упоминаются „лучьшая мужи, иже дѣржатъ Деревьскую землю“ (Ип. 36)—въ другомъ мѣстѣ эти лучшіе мужи—правители называются старѣйшинами: взявъ Коростѣнь, Ольга „старѣйшины же града ижьже, и прочая люди овѣхъ изби, а другия работѣ преда мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань“ (Ип. 38). Если Ольга наказываетъ старѣйшинъ болѣе тяжко, нежели остальныхъ жителей то, очевидно, старѣйшины были въ ея глазахъ виновнѣе другихъ, что конечно объясняется ихъ положеніемъ какъ правителей. Бѣлгородомъ, какъ видно изъ разсказа лѣтописи объ осадѣ его Печенѣгами, управляли старѣйшины (Ип. 88). Что старѣйшины не были главами рода, а правителями (вѣроятно выборными города или земли), доказываетъ тотъ же разсказъ о Бѣлгородскомъ вѣчѣ. Старѣйшины тутъ ясно отличаются отъ остальныхъ участниковъ вѣча. Бѣлгородъ осадили Печенѣги, жители города порѣшили сдаться, но нѣкій старецъ не бывшій на вѣчѣ, посылаетъ по старѣйшины градскіе послѣ того, какъ уже вѣче порѣшило сдать городъ Печенѣгамъ, и убѣждаетъ ихъ припять его хитрый проектъ—обмануть Печенѣговъ, показавъ имъ неистощимый будто бы запасъ пищи. Старѣйшины принимаютъ его совѣтъ.

Что касается старцевъ, то это вѣроятно названіе для домохозяевъ, изъ которыхъ состояло вѣче; въ княженіи Владиміра старцы являются на томъ мѣстѣ, учавствуютъ въ рѣшеніи тѣхъ вопросовъ, для которыхъ позже собирается вѣче [1]).

---

[1]) Замѣчательное совпаденіе съ свидѣтельствами нашей лѣтописи о старцахъ находимъ у Балтійскихъ Славянъ: ихъ principes et majores natu (см. Котляревскій, Сказанія отъ Оттонѣ Бамбергскомъ p. 54, 70, 78) появляются въ тѣхъ же случаяхъ, что и наши бояре и старцы. Впрочемъ свидѣтельство Оттона не даетъ возможности опредѣлить, были ли эти majores natu представителями родовъ или выборными отъ народа. Вѣроятнѣе всего предположить (пользуясь отчасти тѣми же соображеніями, которыя мы привели относительно старцевъ у Русскихъ Славянъ), что это были домохозяева.

О старцахъ см. еще Аксакова о др. бытѣ Славянъ. Соч. т. I p. 101 sq. Что и позже въ вѣчѣ учавствовали преимущественно одни домохозяева доказываютъ слова Кіевлянъ Изяславу Мстиславичю: на Ольговичей пойдемъ даже съ дѣтьми (Ип. 243): не можетъ противорѣчить намъ тотъ фактъ

Итакъ, какъ ни скудны данныя лѣтописи о внутреннемъ строѣ Полянской земли за время Владиміра, существованіе народнаго собранія, къ которому обращался князь за рѣшеніемъ общенародныхъ вопросовъ (дѣла религіи, вопросы законодательства (виры)) не подлежитъ никакому сомнѣнію, и князь вовсе не является автономнымъ правителемъ, независимымъ отъ земства, а напротивъ вполнѣ подчиняется его рѣшенію.

что на вѣче для выслушанія рѣчи посла Изяславова собрались всѣ отъ мала до велика (Ип. 245), это объясняется простымъ любопытствомъ, но ничто не даетъ намъ права заключить, чтобы всѣ собравшіеся имѣли право голоса. Впрочемъ, несомнѣнно, что съ развитіемъ дружиннаго начала право на участіе въ вѣчѣ значительно расширились, перестали быть монополіей однихъ домохозяевъ.

II.

Смерть Владиміра случилась при слѣдующихъ обстоятельствахъ: сыновья его сидѣли по областямъ, розданнымъ имъ отцемъ, въ Кіевѣ въ то время былъ лишь Святополкъ; любимый сынъ Владиміра, Борисъ, находился въ походѣ противъ Печенѣговъ, начальствуя отцовской дружиной; Ярославъ, княжившій тогда въ Новгородѣ, отказался платить Кіеву обычную дань, и только смерть Владиміра помѣшала готовившемуся столкновенію между отцемъ и сыномъ (вѣрнѣе, между Кіевомъ и Новгородомъ, такъ какъ едва ли Ярославъ рѣшился на свой поступокъ безъ вѣдома Новгородцевъ, всего же вѣроятнѣе, что Ярославъ, отказывая отцу въ уплатѣ дани, былъ только выразителемъ стремленія Новгородцевъ освободиться изъ подъ власти Кіева). Такимъ образомъ, борьба между Кіевомъ и Новгородомъ легко могла возникнуть въ случаѣ, еслибы преемникъ Владиміра не отказался отъ дани съ Новгорода.

Дружина умершаго великаго князя и ополченіе изъ Кіевлянъ находились въ походѣ противъ Печенѣговъ, поэтому, вѣроятно, приближенные Владиміра и скрываютъ его смерть (Владиміръ умеръ въ селѣ Берестовомъ, подлѣ Кіева) отъ Святополка, поджидая возвращенія дружины и Кіевлянъ и ихъ рѣшенія по вопросу о замѣщеніи Кіевскаго стола. Но Святополкъ узнаетъ о смерти отца раньше возвращенія съ похода дружины и Кіевлянъ и занимаетъ Кіевскій столъ. Хотя онъ имѣлъ при себѣ, конечно, собственную дружину и заручился расположеніемъ Вышгородцевъ, (не княжилъ-ли онъ тамъ передъ этимъ ?)[1])

---

[1]) По извѣстіямъ иностранныхъ источниковъ Святополкъ, настроенный западными миссіонерами замышлялъ, что-то противъ отца, Владиміръ узналъ про эти замыслы и заключилъ его въ темницу; (Карамзинъ, т. II, стр. 6

тѣмъ не менѣе онъ старается привлечь на свою сторону наличныхъ Кіевлянъ, очевидно, разсчитывая при помощи ихъ подѣйствовать на остальное, бывшее въ походѣ, Кіевское населеніе; слѣд. собственныя силы Святополка, были незначительны. Въ свою очередь Кіевляне не рѣшались открыто сопротивляться Святополку, такъ какъ большая часть способныхъ носить оружіе была въ походѣ. Вотъ мѣсто лѣтописи, изъ котораго видно это взаимное настроеніе Кіевлянъ и Святополка: „Святополкъ же седѣ въ Киевѣ по отци своемь, и созва Кыяны и нача имѣние имь даяти; а они приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимь, яко братья ихъ быша с Борисомъ“ (Ип. 92 и 98).

Лишь только вѣсть о смерти Владиміра доходитъ до бывшихъ въ походѣ, дружина и Кіевское ополченіе предлагаютъ Борису занять Кіевскій столъ; (хотя лѣтопись говоритъ только о предложеніи дружины: „рѣша ему дружина отня“, но изъ дальнѣйшихъ словъ лѣтописи видно, что предложеніе исходило и отъ Кіевскаго ополченія: „се дружина у тебе· отня и вои, сяди в Кыевѣ на столѣ отнѣ“ (Ип. 92); если предлагавшіе Борису свою помощь дружинники ручаются въ томъ же и за Кіевское ополченіе, то, очевидно, необходимо предположить первоначальное соглашеніе дружины и ополченія относительно вокняженія Бориса).

Весь этотъ разсказъ лѣтописи весьма интересенъ и важенъ для опредѣленія взаимныхъ отношеній князя и вѣча, по крайней мѣрѣ въ одной части этихъ отношеній, въ вопросѣ о призваніи. Видно, что Кіевляне свободно относятся къ выбору князя, они предлагаютъ Кіевскій столъ Борису, не смотря на то, что онъ младшій сынъ Владиміра. Нигдѣ яснѣе не выступаетъ разница между взглядами княжеской семьи и Кіевлянъ на замѣщеніе столовъ. Княжескій родъ имѣетъ свои, такъ назыв. родовые счеты, по которымъ мѣсто умершаго князя занимаетъ старшій по немъ, народъ же руководствуется своими собственными соображеніями, выбираетъ наиболѣе для себя симпатичнаго [1]). (Аналогія съ германскимъ поднятіемъ на щитъ).

примѣч. 1-ое), вѣроятно, позже, простивъ Святополка, отецъ держалъ его при себѣ, опасаясь новыхъ замысловъ, очень можетъ быть, что Святополкъ и сидѣлъ поэтому въ Вышгородѣ, чѣмъ и объясняется преданность ему Вышгородцевъ. (Соловьевъ, II 195 стр.).

[1]) О томъ, что Святополкъ по княжескимъ воззрѣніямъ имѣлъ полное

Послѣ того какъ Борисъ отказался занять Кіевскій столъ, Кіевляне и дружина Владиміра примкнули къ Святополку. Дѣло въ томъ, что Святополкъ былъ для Кіевлянъ едва-ли не самый удобный князь изъ всѣхъ сыновей Владиміра. Между тѣмъ, какъ остальные сыновья Владиміра сидѣли по племеннымъ центрамъ (Ярославъ въ Новгородѣ, Святославъ у Древлянъ, Всеволодъ, о которомъ не имѣемъ больше никакихъ извѣстій у Волынянъ, Изяславъ у Полочанъ, Мстиславъ на далекой окраинѣ, въ Тмутаракани), слѣдовательно занятіе Кіевскаго стола кѣмъ нибудь изъ нихъ было бы равносильно преобладанію того племени (или по крайнѣй мѣрѣ дружины), гдѣ сидѣлъ и укрѣпился извѣстный князь, вокняженіе Святополка не представляло этой опасности: онъ, кажется, или вовсе не имѣлъ удѣла въ эпоху смерти Владиміра, или княжилъ въ Кіевскомъ пригородѣ Вышгородѣ. Оттого-то Кіевляне не только признаютъ его своимъ княземъ, но и стоятъ за него противъ Ярослава.

Что Кіевляне совершенно основательно могли опасаться господства того племени, съ которымъ придетъ извѣстный князь, доказываетъ примѣръ Ярослава: побѣда Ярослава надъ Святополкомъ и первое время его княженія было побѣдой Новгорода надъ Кіевомъ и преобладаніемъ Новгородскаго начала надъ Кіевскимъ.

Узнавъ о кровавой расправѣ Святополка надъ братьями, Ярославъ идетъ на Святополка съ Новгородцами и наемными Варягами. Племенная непріязнь Кіевлянъ и Новгородцевъ видна уже изъ ихъ взаимныхъ перебранокъ. Кіевляне стали не столько за Святополка, дѣло котораго было имъ довольно безразлично, сколько за свою самостоятельность, не желая подчиниться Новгородцамъ-плотникамъ, какъ они ихъ насмѣшливо звали. Но побѣда осталась на сторонѣ Ярослава, и что же? Опасенія Кіевлянъ совершенно оправдались: съ ними обращаются какъ съ покореннымъ племенемъ, берутъ окупъ на Новгородцевъ [1]). Кіевъ горитъ, вѣроятно подожженый непріятелемъ [2]).

право на Кіевскій столъ, см. у Неволина соч. т. VI, стр. 587 прим. 2-е, (гдѣ разобранъ вопросъ о законности правъ Святополка на старшинство въ родѣ).

[1]) Н$_1$ 1076..... и нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривнъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ.

[2]) По крайней мѣрѣ въ лѣтописи Кіевскій пожаръ поставленъ вслѣдъ

Для своей борьбы съ Святополкомъ Ярославъ беретъ силы почти исключительно на сѣверѣ: онъ борется Новгородцами и Варягами. Если Русь и помогаетъ Ярославу противъ Святополка, пришедшаго съ Польскимъ войскомъ, то во 1-хъ Кіевляне могли здѣсь опасаться такого же разграбленія со стороны Поляковъ, какое они испытали отъ Новгородцевъ, а во 2-хъ Ярославъ имѣлъ при себѣ Новгородцевъ и Варяговъ,—ясно, что онъ не могъ расчитывать вполнѣ на Кіевлянъ. Ярославъ побѣжденъ, Святополкъ съ Болеславомъ польскимъ занимаютъ Кіевъ, но скоро поведеніе поляковъ, смотрѣвшихъ, очевидно, на Кіевскую землю, какъ на завоеванную страну, вызвало народную ненависть, и ихъ стали избивать. Между тѣмъ Ярославъ набралъ снова силы на сѣверѣ и двинулся на Святополка. Если слѣдовать лѣтописи, то между Ярославомъ и Святополкомъ было 2 сраженія, побѣжденный въ первомъ, Святополкъ бѣжитъ въ Печенѣги и съ ихъ помощью вступаетъ въ битву съ Ярославомъ при рѣкѣ Альтѣ, гдѣ снова разбитъ. Если здѣсь лѣтопись не сдѣлала изъ одного сраженія двухъ, то фактъ, что Ярославъ, побѣдивъ въ 1-й разъ Святополка, не двинулся прямо на Кіевъ, доказываетъ, что онъ не могъ разсчитывать на Кіевлянъ и только послѣ бѣгства Святополка, т. е. послѣ того какъ Кіевляне лишились центра, вокругъ котораго могло группироваться ихъ сопротивленіе, онъ занимаетъ Кіевъ. (Нельзя однако не замѣтить, что Кіевляне не особенно энергично стоятъ за Святополка, быть можетъ тому причиной были его личныя несимпатичныя качества).

Ярославъ первое время, очевидно, тяготѣетъ больше къ Новгороду, нежели къ Кіеву; это доказываютъ его частыя поѣздки въ Новгородъ (въ критическія для Кіевлянъ минуты,—при нашествіи Печенѣговъ и приходѣ Мстислава, Ярославъ находился въ Новгородѣ (Ип. 103, 105 (1024 г., 1030, 1034)). Новгородцы не разъ помогаютъ ему и послѣ окончательнаго водворенія въ Кіевѣ.

Лѣтопись очень скудна фактами за время Ярослава (особенно за вторую половину его княженія), поэтому очень трудно возстановить его отношеніе къ Кіевскому земству. Хотя отказъ Кіевлянъ принять

за вступленіемъ Ярослава въ Кіевъ, какъ будто онъ былъ слѣдствіемъ занятія Кіева: Ип. 100. Влѣто 6525 (1017) Ярославъ вводиде в Кыевъ и погорѣша церкви.

Мстислава Тмутараканскаго [1]) и не можетъ служить доказательствомъ особеннаго расположенія ихъ къ Ярославу,—вѣдь Мстиславъ былъ просто разбойникъ во главѣ Касожской шайки, но кажется во вторую половину княженія Ярослава между нимъ и Кіевлянами установились добрыя отношенія: 1034 г. Ярославъ посадилъ въ Новгородѣ сына Владиміра и имѣлъ поэтому меньше причинъ удаляться изъ Кіева на сѣверъ; еще въ 1030 г. Ярославъ ходилъ на Чюдь, въ помощь Новгородцамъ, но за тѣмъ упоминаются лишь его походы на ближайшую Литву и помощь Полякамъ. 1037 онъ строитъ Софійскій храмъ, съ того же времени начинается и его дѣятельность въ пользу просвѣщенія народа.

Умираетъ Ярославъ и объединенныя подъ его властію области распредѣляются между его сыновьями: Кіевъ достался старшему его сыну Изяславу; учавствовало-ли здѣсь народное согласіе или же Ярославъ былъ на столько силенъ, что могъ распорядиться Кіевскимъ столомъ, не спрашивая согласія Кіевлянъ, по лѣтописи нельзя опредѣлить. Второе вѣроятнѣе, такъ какъ особаго расположенія Кіевлянъ къ Ярославу незамѣтно. Ярославичи живутъ въ началѣ мирно, вѣроятно потому, что каждому приходилось бороться съ посторонними врагами—Всеволоду съ впервые тогда появившимися Половцами, Святославу съ племянникомъ Ростиславомъ. Всѣ три брата, (Ярославъ оставилъ пятерыхъ сыновей, но двое скоро умерли) Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ соединяются даже для общихъ дѣлъ: въ походахъ на Всеслава Полоцкаго и на Половцевъ. Послѣдній неудачный походъ (1068 года) разрѣшился для Изяслава весьма печально,—онъ былъ прогнанъ Кіевлянами.

Дѣло 1068 года представляетъ особенный интересъ по тѣмъ разнообразнымъ толкованіямъ, которыя оно вызвало. Въ этомъ году случилось нашествіе Половцевъ на Русь. Это былъ непріятель еще новый, а потому грозный, нужно при томъ думать, что Половцы явились въ значительномъ количествѣ, такъ какъ противъ нихъ вооружились всѣ три Ярославича (при участіи, конечно, земствъ). Битва на Альтѣ кончилась полнымъ пораженіемъ Ярославичей, Изяславъ бѣжитъ въ Кі-

[1]) Влѣто 6532 (1024) Ярославу сущю въ Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ из Тьмуторокана Кыеву; и не прияша его Кыянѣ.

евъ, и тутъ въ лѣтописи слѣдуетъ весьма живое описаніе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ Кіевляне прогнали Изяслава.

Бѣжавшіе съ поля битвы Кіевляне (а что именно участвовавшіе въ походѣ препирались съ Изяславомъ, доказываютъ ихъ слова „да вдай намъ княже оружья и кони, *да еще бьемся с ними)* (Половцами), требуютъ отъ Изяслава оружія и коней для продолженія борьбы съ Половцами; вѣроятно, они или потеряли оружіе на полѣ битвы, или хотѣли добыть его для болѣе мирныхъ жителей, не участвовавшихъ въ походѣ (предполагать, будто князь имѣлъ арсеналъ, изъ котораго выдавалъ земству, въ случаѣ его ополченія, оружіе, и отбиралъ по окончаніи похода, будетъ чистымъ анахронизмомъ; при военномъ настроеніи того времени и постоянной опасности подвергнуться разграбленію отъ чужихъ или своихъ, каждый носилъ, безъ сомнѣнія оружіе; это тѣмъ болѣе вѣрно, что въ несравненно болѣе позднее время Русскіе, по свидѣтельству иностранныхъ писателей имѣли при себѣ постоянно оружіе (ножъ). Конечно, качество оружія зависѣло отъ зажиточности человѣка).

Изяславъ почему-то отказываетъ удовлетворить требованіямъ Кіевлянъ—это самое темное мѣсто разсказа. Трудно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, которое видитъ здѣсь антагонизмъ между княземъ и вѣчемъ: князь боится дать въ руки земству оружіе, чтобы оно не обратилось противъ него, трудно потому, что, какъ сказано выше, вооруженіе у земства было всегда свое собственное, независимое отъ князя.

Когда Изяславъ не согласился на требованія Кіевлянъ, они пошли было на дворъ къ воеводѣ Коснячку, но не нашли его и порѣшили высадимъ дружину изъ погреба. Это мѣсто опять толкуютъ разно: думаютъ напр., что Изяславъ, видя общее противъ себя неудовольствіе и опасаясь революціи, засадилъ вліятельнѣйшихъ Кіевлянъ въ тюрьму, точно здѣсь дѣло происходитъ между Наполеономъ III и депутатами національнаго собранія. При томъ обширномъ значеніи, которое имѣетъ въ лѣтописи слово дружина, слова Кіевлянъ могли относиться или къ обыкновеннымъ преступникамъ, лишеннымъ свободы,—нуждаясь въ людяхъ, Кіевляне могли вспомнить и о нихъ—, или же подъ дружиной здѣсь понимались плѣнные Полочане (въ Кіевѣ, въ то время, сидѣлъ въ заключеніи Полоцкій князь Всеславъ, захваченный въ плѣнъ Ярославичами; съ нимъ въ плѣну могла сидѣть и дружина его).

Когда княжескіе дружинники увидали, что Кіевляне направились

къ темницамъ, они совѣтуютъ князю послать скорѣе умертвить Всеслава,—очевидно, они предвидѣли возможность провозглашенія Всеслава княземъ, послѣ того какъ Изяславъ отказался удовлетворить требованіямъ Кіевлянъ. Между тѣмъ какъ Изяславъ не рѣшался на убійство заключеннаго Всеслава, опасенія дружины оправдались: Всеславъ освобожденъ и провозглашенъ княземъ (и поставиша и средѣ двора княжа Ип. 121). Изяславъ бѣжить въ Ляхи.

Вотъ объстоятельства дѣла 1068 г.

Въ описанномъ разсказѣ г. Самоквасовъ усмотрѣлъ лишь революціонную вспышку, вездѣ и всегда возможную, независимо отъ формъ государственной жизни народа. Г. Сергѣевичъ (съ которымъ и полемизируетъ г. Самоквасовъ) видитъ въ дѣлѣ 1068 г. полное проявленіе вѣчевыхъ началъ: право призванія и изгнанія князя.

Конечно, мы не знали бы, какъ отнестись къ дѣлу 1068 г., еслибы мы не имѣли никакихъ фактовъ проявленія вѣчевой жизни до этого, но если Кіевляне гораздо раньше предлагали, помимо всякихъ княжескихъ счетовъ, кіевскій столъ Борису, если Святополкъ хлопочетъ о томъ, чтобы задобрить Кіевлянъ, если въ вокняженіи Ярослава не могло проявиться право призванія только потому, что его вокняженіе на Кіевскомъ столѣ было просто завоеваніемъ, то вопросъ, какъ слѣдуетъ отнесть къ дѣлу 1068 г., довольно ясенъ. Право народа на выборъ князя проходитъ черезъ всю исторію Кіевскаго вѣча, и если оно не всегда ясно и не всегда осуществлялось, то виной этому разныя историческія обстоятельства, нарушавшія это право; тѣмъ не менѣе, каждый разъ, какъ народное право имѣло за собой и силу, необходимый спутникъ каждаго права, если оно хочетъ жить не въ одномъ воспоминаніи, а на дѣлѣ, оно всегда стремилось осуществиться въ призваніи угоднаго или изгнаніи нелюбимаго князя.

Лѣтопись не говоритъ ничего, исполнилъ ли Всеславъ требованія Кіевлянъ, сражался ли онъ съ Половцами, прогналъ-ли ихъ, вообще за семимѣсячное его княженіе въ Кіевѣ не даетъ ни однаго факта его дѣятельности или отношенія къ Кіевлянамъ. Нужно однако думать, что Всеславъ, какъ князь, поставленный исключительно волей Кіевлянъ, не имѣвшій возможности держаться на кіевскомъ столѣ ничѣмъ инымъ, кромѣ расположенія земства, дѣйствовалъ сообразно его желаніямъ, иначе, при томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ тогда находились Кіевляне, онъ не просидѣлъ бы и 7 дней на кіевскомъ столѣ. (Быть можетъ въ по

ходѣ Кіевлянъ на Половцевъ не было уже нужды, такъ какъ лѣтопись непосредственно послѣ разсказа о вокняженіи Всеслава говоритъ о блистательной побѣдѣ надъ Половцами Святослава Ярославича Черниговскаго [1]).

Съ помощью Ляховъ Изяславъ возвращается въ Кіевъ; Кіевляне рѣшились ему сопротивляться и вышли было, подъ преводительствомъ Всеслава, къ Бѣлгороду, но ночью Всеславъ бѣжитъ и Кіевляне остаются безъ предводителя. Оставшись безъ князя, Кіевляне не рѣшаются продолжать борьбы, очевидно, среди нихъ не было организаторовъ, притомъ авторитетомъ въ военномъ дѣлѣ тогда пользовался только князь,—извѣстно мосто лѣтописи изъ эпохи борьбы между Юріемъ Суздальскимъ и Изяславомъ Мстиславичемъ, гдѣ успѣхъ попытки Юрія переправиться черезъ Днѣпръ объясняется тѣмъ, что со стороны кіевской не было князя на переправѣ, „а боярина не вси слухають".

Вернувшись домой, Кіевляне собираются на вѣче и рѣшаютъ послать къ Святославу и Всеволоду Ярославичамъ: „мы же зло створили есмы, говорятъ посланные отъ лица Кіевлянъ, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны землю Лядьскую; а поиде (та) въ градъ отца своего; аще ли не хощета, то намъ неволя: зажегши городъ свой и ступити въ Грѣцискую землю" (Ип. 122). Г Самоквасовъ видитъ въ фактѣ посольства Кіевлянъ просто просьбу о защитѣ, г. Сергѣевичъ—приглашеніе братьевъ Изяслава на Кіевскій столъ. Если за мнѣніе г. Самоквасова и говоритъ, повидимому, то, что Кіевляне посылаютъ не къ одному, а къ обоимъ братьямъ, то, съ другой стороны, изъ словъ Кіевлянъ довольно ясно видно, что они просятъ не о заступничествѣ передъ Изяславомъ, (мести котораго они такъ боятся, что въ случаѣ отказа Ярославичей готовы зажечь Кіевъ и переселиться) а предлагаютъ имъ стать во главѣ ихъ ополченія на защиту отцовскаго града, которому угрожаетъ разграбленіе. Но, вѣроятно, Святославъ и Всеволодъ имѣли свои причины не желать борьбы съ Изяславомъ, а потому они ограничиваются однимъ посольствомъ къ нему съ просьбой не губить града отца и не водить въ Кіевъ буйныхъ Ляховъ; успокоивая Кіевлянъ, Святославъ говоритъ: „вѣ послевѣ къ брату своему, да аще по-

---

[1]) О дѣлѣ 1068 г. см. Сергѣевичъ Вѣче и князь стр. 110, 117: Самоквасовъ, Ж. М. П. П. 1869, 11 стр. 75. Хлѣбниковъ Общество и Госуд. въ до-монг. пер. стр. 262. Костомаровъ Моногр. I стр. 136.

идеть на вы с Ляхы погубить васъ, то вѣ противу ему ратью не дадивѣ погубити града отца своего; аще ли хощетъ с миромъ, то в малѣ придеть дружинѣ" (Ип. 122). „Изяславу они говорятъ" Всеславь ти бѣжалъ, а не води Ляховъ Кыеву, противнаго ти нѣтуть,—аще ли хощеши гнѣвомъ ити и погубити градъ, то вѣси, яко намъ жаль отня стола" (Ип. 122).

Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ двумя противуположными воззрѣніями на замѣщеніе столовъ: взглядомъ народнымъ и взглядомъ княжеской семьи. Кіевляне прогнали Изяслава, поставили княземъ Всеслава; хотя они и сознаютъ теперь, что сдѣлали худо, прогнавши Изяслава, но это не раскаяніе въ безправномъ поступкѣ, а скорѣе сожалѣніе, что дурнаго князя промѣняли на другаго такого же: и тотъ и другой оставилъ ихъ въ критическую минуту. Еслибы Кіевляне считали свой поступокъ не законнымъ, а Изяслава законнымъ княземъ и послѣ изгнанія, то имъ было бы проще послать къ Изяславу съ повинной, а они между тѣмъ зовутъ его братьевъ стать во главѣ ополченія на защиту Кіева противъ Изяслава.

Князья разсуждаютъ иначе,—они не хотятъ нарушать предполагаемыхъ правъ княжеской семьи, не хотятъ стать за Кіевлянъ противъ Изяслава, такъ какъ это значило бы убить то начало, которое они стараются постоянно провести,—начало преемста столовъ по родовымъ счетамъ, и признать de jure начало народнаго избранія, съ которымъ они не хотятъ согласиться. (Мы увидимъ, что позже дѣло измѣнилось, —патріархальныя идеи у княжеской семьи смѣнились болѣе грубымъ началомъ—добыванія).

Такимъ образомъ Кіевляне не могли найти себѣ предводителей и центровъ, около которыхъ они могли бы группироваться, вотъ почему они больше не сопротивляются и сдаются на милость Изяслава. Но Изяславъ жестоко мститъ за свое изгнаніе, казнитъ, слѣпитъ многихъ Кіевлянъ, ставитъ Ляховъ на покормъ, недовѣряя вѣроятно покорности Кіевлянъ. Кіевъ горитъ [1]). Скоро однако Ляховъ стали избивать какъ и при Святополкѣ.

Такимъ образомъ Изяславъ снова водворился въ Кіевѣ. Лѣтопись

---

[1]) Н. I 2 стр. Влѣто 6577 Приде Изяславъ съ Ляхы, а Всеславъ бѣжа Полотъску; и погорѣ Подоліе.

упоминаетъ, что, по изгнаніи Ляховъ, онъ перевелъ торгъ на гору; трудно рѣшить, слѣдуетъ ли здѣсь видѣть политическую цѣль,—возможность ближе слѣдить за стеченіемъ народа (княжескій теремъ былъ на горѣ), или же Изяславъ при этомъ руководился какими нибудь другими, напр. экономическими разсчетами; на первое какъ бы намекаетъ выраженіе лѣтописи—„изгна торгъ на гору“ (Ип. 122).

Не долго усидѣлъ Изяславъ въ Кіевѣ: теперь уже гроза встала со стороны братьевъ,—Святославъ и Всеволодъ изгоняютъ Изяслава; лѣтопись даже не упоминаетъ, бѣжалъ ли Изяславъ послѣ неудачной борьбы или же дѣло и не дошло до сраженія. Вѣроятно, Кіевляне не думали защищать князя, который такъ жестоко отплатилъ за свое изгнаніе. На Кіевскомъ столѣ сѣлъ Святославъ и сидѣлъ на немъ до смерти; тогда Изяславъ, который между тѣмъ скитался по западной Европѣ и тщетно искалъ помощи, вернулся съ помощью Ляховъ; Всеволодъ уступилъ ему безъ борьбы Кіевскій столъ, самъ сѣлъ въ Черниговѣ. 1078 г. Изяславъ, помогая Всеволоду противъ Олега Святославича и Бориса Ростиславича, погибъ въ битвѣ на Нѣжатиной нивѣ. Мѣсто его на Кіевскомъ столѣ занялъ Всеволодъ. (Ип. 128, 139—142).

Князья занимаютъ Кіевскій столъ исключительно по собственнымъ соображеніямъ, не справляясь съ волей народной,—такъ представляется дѣло на первый взглядъ, при бѣгломъ обзорѣ приведенныхъ фактовъ. Но разберемъ внимательнѣе эти факты. Народное право призванія могло осуществляться во 1-хъ, когда было кого призывать, т. е. когда имѣлся въ виду симпатичный вѣчу князь, за котораго оно могло-бы стать противъ другаго, неугоднаго, во 2-хъ когда вѣче притомъ чувствовало свою силу. Что же мы видимъ въ данныхъ фактахъ? Нѣтъ на лице ни одного князя, къ которому Кіевляне могли чувствовать особенное расположеніе, за котораго могли дѣйствовать противъ нелюбимаго или просто индиферентнаго. Когда Изяславъ послѣ изгнанія вернулся съ Ляхами, Кіевляне думали было стать противъ него; они ищутъ князя предводителя,—на виду лишь Святославъ и Всеволодъ Ярославичи, къ нимъ Кіевляне и посылаютъ, но братья Изяслава отказываются дѣйствовать противъ него. У Изяслава сила—Ляхи, Кіевляне безъ предводителя,—остается прекратить борьбу.

Изяслава скоро изгоняютъ братья, Кіевлянамъ опять остается только признать княземъ Святослава или Всеволода,—никакого другаго

подходящаго князя нѣтъ, а этихъ Ярославичей они и раньше звали къ себѣ. Умираетъ на Кіевскомъ столѣ Святославъ, Изяславъ снова идетъ съ Ляхами на Кіевъ, въ Кіевѣ сидитъ Всеволодъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вырази только онъ желаніе бороться съ Изяславомъ, Кіевляне стали бы энергически за него противъ нелюбимаго князя, но Всеволодъ отказывается отъ борьбы, князя предводителя опять нѣтъ, необходимо принять Изяслава, съ которымъ Польская сила; погибаетъ въ битвѣ съ племянниками Изяславъ,—опять единственный подходящій князь Всеволодъ, не стать же Кіевлянамъ за дѣтей нелюбимаго Изяслава.

За время княженія Всеволода (1078—1093) мы не встрѣчаемъ никакихъ проявленій вѣчевой дѣятельности; есть намекъ на неудовольствіе противъ князя. (Ип. 151... и нача любити смыслъ уныхъ, и свѣтъ творяше с ними; си же начаша і заводити и негодовати дружины своея первыя, *і людемь не хотѣти княжьѣ правдѣ*, і начаша тивунѣ его грабити, людии продаяти, сему невѣдущю у болѣзнехъ своихъ" [1]). Въ лѣтописи какъ то глухо упоминаются недоразумѣнія между Всеволодомъ и Ярополкомъ Изяславичемъ (ему Всеволодъ далъ Владиміръ и Туровъ [2]), очень можетъ быть, что Ярополкъ, провѣдавъ о неудовольствіи Кіевлянъ на Всеволода, думалъ прогнать его съ Кіевскаго стола, опираясь на Кіевлянъ. Всеволодъ предупредилъ его; его сынъ Владиміръ согналъ Ярополка съ Владимірскаго стола; Ярополкъ бѣжитъ въ Ляхи, но скоро возвращается и мирится съ Всеволодомъ; впрочемъ онъ вскорѣ погибаетъ подъ ударами убійцы, повидимому подосланнаго изъ Звенигорода Галицкаго (Лавр. 199).

---

[1]) Чтеніе Лавр. лѣтописи (Лавр. 209) нѣсколько иначе: ....и людемъ не *доходити* княже привды, начаша *ти уныи* грабити..... По чтенію Ип. списка выходитъ, что Кіевляне были недовольны судомъ Всеволода (не *хотѣти* княжѣе правды), по Лавр. вся вина складывается на совѣтниковъ Всеволода, до самаго же князя и не доходили вѣсти о беззаконіяхъ его сподручниковъ.

[2]) Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злыхъ совѣтникъ, се увѣдавъ Всеволодъ, посла противу ему сына своего Володимера, Ярополкъ же, оставивъ матерь свою и дружину Лучьскѣ, бѣжа в Ляхы Лавр. 199). См. и Лавр. 209, гдѣ въ общихъ чертахъ говорится о недоразумѣніяхъ между Всеволодомъ и племянниками: печаль бысть ему отъ сыповець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другие, сей же, омиряя ихъ, раздаваше власти имъ.

По смерти Всеволода на Кіевскомъ столѣ садится Святополкъ Изяславичь. Въ лотописи дѣло представлено такъ, что Владиміръ Мономахъ думалъ было самъ занять Кіевскій столъ, но пораздумавъ, что ему придется выдержать борьбу съ Святополкомъ, который по княжескимъ счетамъ, имѣлъ болѣе его правъ на великокняжескій столъ, оставилъ свое намѣреніе. При извѣстномъ уваженіи Владиміра къ княжескимъ правамъ, въ его колебаніи видятъ указаніе на то, что Кіевляне еще теперь предлагали ему занять Кіевскій столъ, какъ они сдѣлали это по смерти Святополка. Предположеніе весьма вѣроятное [1]).

За время Святополка мы видимъ два факта, ясно говорящихъ о поднявшемся значеніи земство. 1096 г., (Ип. 160) говоритъ лѣтопись, Святополкъ и Володимеръ посласта к Олгови, глаголюще сице „поиди Киеву, ать рядъ учинимъ о Руской земьлѣ предъ епископы, игумены и предъ мужи отець нашихъ и передъ горожаны, дабы оборонили землю Руськую отъ поганыхъ“ Олегъ же усприемъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице, „нѣсть лѣпо мене судити епископомъ и черньцемъ или смердомъ“ и не восхотѣ ити къ братома своима, послушавъ злыхъ совѣтниковъ.

Мы видимъ здѣсь приглашеніе Олега на нѣчто въ родѣ земскаго собора, на которомъ, помимо обычныхъ совѣтниковъ князя—дружины и духовенства, присутствуетъ и вѣче (гражане). Цѣль совѣщанія—защита отъ поганыхъ. Можно предположить, что князья чувствуютъ себя не въ силахъ собственными средствами (дружиною) защитить страну отъ нападенія кочевниковъ и обращаются за помощью къ вѣчу.

Лѣтопись не говоритъ, состоялось ли то совѣщаніе, на которое звали Олега, но кажется, что совѣщаніе князя съ земствомъ такого же характера можно видѣть въ одномъ изъ предъидущихъ фактовъ: таковъ разсказъ лѣтописи подъ 1093 г. (Ип. 152). Услышавъ о смерти Всеволода, Половцы присылаютъ къ Святополку съ предложеніемъ мира, но Святополкъ, не посовѣтывавшись съ мѣстной дружиной, (не здума с болшею дружиною отнею и стрыя своею) послушалъ совѣта своей Туровской дружины (свѣтъ створи с пришедшими с нимь) и захватилъ

---

[1]) См. Татищева кн. II стр. 146: Владиміръ по смерти отца своего, хотя отъ Кіевлянъ прошенъ былъ пріять престолъ отенъ, но разсудя, что ему то весьма много трудно, мимо старѣйшихъ Святополка и Святославичевъ принять..... послалъ къ Святополку Изяславичу въ Туровъ.

Половецкихъ пословъ. Въ отмщеніе Половцы приходятъ войной на Кіевщину. Святополкъ начинаетъ собирать войско, но земское ополченіе всегда собиралось медленно, поэтому онъ хочетъ ударить собственной дружиной на Половцевъ; смысленые мужи отговариваютъ его отъ опаснаго удальства, несмысленные поощряютъ. У меня 800 своихъ отроковъ, говоритъ князь; не худо было бы, еслибы ты имѣлъ и 8000, отвѣчаютъ мужи смысленные, такъ какъ земля наша оскудѣла отъ войнъ и продажъ (т. е. всл. этихъ причинъ тебѣ трудно будетъ собрать значительное земское ополченіе). Они совѣтуютъ Святополку послать просить помощи у Владиміра Мономаха.

Если тутъ подъ мужами смысленными [1]) и слѣдуетъ видѣть главнымъ образомъ мѣстную дружину (мѣстныхъ бояръ, см. дальше (Ип. 153)—и приста̀ша свѣту сему смысленѣи мужи, Янь и прочіи—а Янь Вышатичь былъ старый кіевскій дружинникъ (онъ умеръ 1106 г. 90 лѣтъ), то нельзя сомнѣваться, чтобы при сборѣ земскаго ополченія не спрашивалось согласія Кіевлянъ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что когда въ походѣ мнѣнія раздѣлились, перейдти-ли Стугну или остаться на этой сторонѣ, Кіевляне не только учавствуютъ въ военномъ совѣтѣ, но даже поступаютъ исключительно по собственному желанію, противному мнѣнію „мужей смысленныхъ“ (Ип. 153 Святополкъ собираетъ на военный совѣтъ дружину,—очевидно, подъ дружиной въ данномъ случаѣ слѣдуетъ понимать всѣхъ участвовавшихъ въ походѣ, такъ какъ и Кіевляне подаютъ свой голосъ).

Въ случаяхъ нападеній кочевниковъ земство обыкновенно и даетъ князю помощь, да и не можетъ не дать: опасность грозитъ ему самому. Но въ княженіе Святополка мы видимъ въ первый разъ тотъ случай когда князь проситъ земство помочь ему въ его собственныхъ личныхъ счетахъ, гдѣ слѣд. князь становится въ прямо-зависимое отношеніе къ земству, такъ какъ земство можетъ дать помощь, можетъ въ ней и отказать.

Послѣ Любечскаго съѣзда (1097 г.) Святополкъ, по навѣтамъ Давида Игоревича, задерживаетъ Василька Ростиславича и на слѣдующій день зоветъ бояръ и Кіевлянъ на вѣче [2]).

---

[1]) Костомаровъ, Русск. Ист. I 46, въ мужахъ смысленіихъ видитъ Кіевлянъ: Святополкъ началъ совѣщаться съ Кіевлянами.

[2]) Наутрия же Святополкъ созва бояре и Кияне, и повѣда имъ, еже

Лѣтопись не говоритъ ясно, чего собственно хотѣлъ Святополкъ отъ Кіевлянъ; но по смыслу ихъ отвѣта можно заключить, что Святополкъ желалъ узнать отъ земства, согласно ли оно будетъ принять его сторону въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ вызвать наказаніе Василька [1]). Кіевляне, очевидно, желаютъ остаться нейтральными въ личныхъ распряхъ князей и отвѣчаютъ уклончиво. Получивъ такой неопредѣленный отвѣтъ (Богъ знаетъ, кто изъ васъ правъ), Святополкъ не рѣшился вести дѣла на свой личный страхъ и даже готовъ отпустить Василька (когда духовенство стало просить за Василька, онъ ссылается на Давыда). Тѣмъ не менѣе, благодаря энергіи Давыда, (которому собственно и мѣшалъ Галицкій князь) Василько ослѣпленъ.

Этотъ поступокъ возмущаетъ всѣхъ князей; Владиміръ Мономахъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи идутъ ратью на Святополка. Татищевъ [2]) прибавляетъ къ извѣстіямъ первоначальной лѣтописи, что „Давидъ съ братьею, получа сей отвѣтъ (отвѣтъ Святополка, который все сваливалъ на Давыда Игоревича) положили наутрее итти къ Киеву на Святополка, и послали Кіевлянамъ объявить естьли не хотятъ купно со Святополкомъ разореніе терпѣть, то бъ за него, яко клятвы преступника и нарушителя законовъ отеческихъ, не вступались“,—фактъ совершенно вѣроятный тѣмъ болѣе, что съ подобной же рѣчью князья обращаются къ Владимірцамъ, осаждая сидѣвшаго тамъ Давыда Игоревича (Ип. 175, вѣ не приходивѣ на городъ вашь, ни на васъ, но на вороги своя, на Туряка, и на Лазоря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ все зло; аще хощете за сихъ битися, да се мы готовы; аще ли, то выдайте враги наша).

Мало энергичный Святополкъ, еще раньше получившій отъ Кіевскаго земства отказъ въ помощи, хочетъ бѣжать; Кіевляне не пу-

---

бѣ ему повѣдалъ Давыдъ: „яко брата ти убилъ (Василько) и на тя свѣщалъ с Володимеромъ, хочеть тя убити и градъ твой заяти“. И рекоша бояре и людье: „тобѣ, княже, головы своеѣ достоитъ блюсти; да аще есть молвилъ право Давыдъ, да прииметь Василько казнь, аще ли не право глаголалъ Давыдъ, да прииметь месть отъ Бога и отвѣщаетъ предъ Богомъ. (Ип. 169).

[1]) См. у Хлѣбникова общ. госуд. въ до-Монг. пер. стр. 266.

[2]) Ист. Россійская, кн. II, стр. 179.

скаютъ его и посылаютъ къ князьямъ-мстителямъ жену Всеволода и митрополита Николу съ просьбой не губить Русской земли своими счетами, обратить лучше силы на внѣшнихъ враговъ (поганыхъ). Владиміръ, по иниціативѣ котораго и былъ предпринятъ походъ на Святополка, сдается на мольбы Кіевлянъ, рать отступаетъ отъ Кіева, но съ Святополка берутъ обѣщаніе наказать Давыда, на котораго онъ сваливалъ вину ослѣпленія Василька.

Татищевъ [1]) очень удачно объясняетъ (если это его соображеніе, а не выписка изъ недошедшей до насъ лѣтописи) причины, по которымъ Кіевляне не пустили отъ себя хотѣвшаго бѣжать Святополка и просили за него передъ князьями: „Святополкъ увѣдавъ, что князи уже идутъ, а на Кіевлянъ надѣяться не могъ, зане нелюбимъ имъ былъ, такъ убоялся, что хотѣлъ уйти изъ Кіева; но Кіевляне его не пустили, и объявили ему: понеже ты самъ виненъ предъ братіею, *и естьли уйдешь, большей себѣ вредъ и земли Руской, пачеже намъ неповиннымъ, раззоренiем учинить:* того ради оставь высокоуміе твое, и проси у братіи прощенія".

Хотя князья и не имѣли ничего противъ Кіевлянъ, но, въ случаѣ бѣгства Святополка, его противники принялись бы по обычаю времени грабить его личное имущество, причемъ конечно досталось бы и Кіевлянамъ, (ср. мѣсто Ип. лѣтописи подъ 1146 г. (Ип. 235 и 237) гдѣ Изяславъ Мстиславичь занимаетъ Путивль и грабитъ безъ остатка все имущество бѣжавшаго Святослава Ольговича). Притомъ изгнанный Святополкъ не преминулъ бы вернуться добывать снова свой Кіевскій столъ, такимъ образомъ Кіевщинѣ грозили бѣдствія междоусобій, а она и безъ того, какъ говорили Святополку нѣсколько раньше Кіевляне, оскудѣла отъ ратей и продажъ. (Ип. 152). Этимъ самымъ снимается съ Кіевскаго земства упрекъ въ политической незрѣлости: какъ не воспользовалось оно такимъ удобнымъ случаемъ смѣнить бездарнаго и нелюбимаго Святополка на излюбленнаго Владиміра Мономаха? Напротивъ, тутъ то и видѣнъ его вѣрный тактъ, ясное сознаніе, что князь для него, а не оно для князя и что жертвовать собой исключительно въ выгодахъ князю вѣчю не пристало. Тоже самое мы видимъ и позже, въ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ Юріемъ Долго-

---

[1]) Исторія Росс., т. II, стр. 179.

рукимъ; какъ сильно ни любили Кіевляне добраго князя Изяслава, но свои собственныя выгоды имъ дороже, и они часто отказываютъ Изяславу въ помощи, когда успѣхъ не на его сторонѣ, и дальнѣйшая борьба будетъ напраснымъ кровопролитіемъ и безплоднымъ принесеніемъ жертвъ.

Участвовало-ли Кіевское вѣче въ обѣщаніи Святополка наказать Давыда Игоревича,—неизвѣстно, но можно думать, что нѣтъ: для борьбы съ Давыдомъ Святополкъ пользуется помощью Ляховъ и Угровъ (Венгровъ); если у него и кромѣ того упоминается множество вой, то это могли быть скорѣе вои Туровскіе, чѣмъ Кіевскіе.

Когда въ походѣ на Давыда Игоревича Мстиславъ, сынъ Святополка занялъ Владиміръ, то, съ нимъ были Берестьяне, Пиняне и Выгошевцы [1]). (Лавр. 261; въ Ип. 178 невѣрно—Вышегородцы). Кіевляне же ни разу не упоминаются въ числѣ участниковъ похода Святополка, да едва-ли бы они и пошли на Василька, зная всѣ обстоятельства дѣла. (Извѣстно, что Святополкъ, отправившись, согласно рѣшенію князей наказывать Давида Игоревича, повернулъ вдругъ оружіе на Ростиславичей, у которыхъ вздумалъ оттягать Червенскіе города).

Отношенія между Святополкомъ и Кіевлянами были далеко не дружелюбныя, характеръ ихъ ясно сказался тотчасъ по смерти Святополка: Кіевляне бросаются грабить дворы его приближенныхъ и жидовъ, съ которыми Святополкъ имѣлъ выгодныя для себя сношенія.

Перейдемъ теперь ко времени Владиміра Мономаха.

Основная черта характера Владиміра,—удивительная практичность, глубокое пониманіе жизни, умѣнье подмѣчать сущность каждаго явленія. Эта черта ясно выступаетъ въ его поученіи, гдѣ, на ряду съ общими нравственными сентенціями, попадаются совѣты, взятые изъ собственныхъ наблюденій надъ жизнію. Все что онъ ни дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ съ яснымъ сознаніемъ цѣли; онъ совѣтуетъ дѣтямъ не лѣниться, самимъ надзирать за всѣмъ въ домѣ, не полагаться на отрока и тивуна и мотивируетъ это: да не посмѣются приходящія къ вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему. Ту же цѣль—добрую славу въ людяхъ,

---

[1]) Вѣроятно Мстиславъ и сидѣлъ въ Туровѣ, а что Туровъ, Пинскъ и Берестье принадлежали Святополку, видно изъ его же словъ (Ип. 172), что Василько, какъ въ томъ его увѣрялъ Давыдъ, хочетъ отнять его волости Туровъ, Пинскъ, Берестье и Погорину.

преслѣдуютъ и другіе его совѣты; проѣзжая по своимъ землямъ, говоритъ онъ „не дайте пакости дѣяти отрокомъ ни своимъ ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни въ житѣхъ, да *не кляти васъ* начнуть"; особенно совѣтуетъ почитать гостей, т. е. купцовъ, такъ какъ они далеко разносятъ добрую или дурную славу о человѣкѣ. Такимъ образомъ Владиміръ отлично понималъ, какъ важна для князя популярность, и зналъ всѣ средства пріобрѣсть ее.

Знакомство Мономаха съ жизнью ясно изъ извѣстнаго мѣста лѣтописи, гдѣ описано совѣщаніе Владиміра, Святополка и ихъ дружинъ по поводу предполагаемаго похода на Половцевъ. Дружина Святополка считаетъ походъ неудобнымъ, такъ какъ для этого нужно отрывать смерда отъ плуга, лишить его продуктовъ труда,—повидимому жалѣютъ народъ, но Владиміръ указываетъ невѣрность ихъ взгляда: это то еще не такъ худо, а вотъ когда нагрянутъ Половцы, да пограбятъ смердовъ, а самихъ убъютъ, вотъ это будетъ истиннымъ бѣдствіемъ для народа.

Указанными чертами Владиміра объясняется отношеніе къ нему Кіевскаго земства. Въ Мономахѣ Кіевское земство любило князя, на котораго можно всегда положиться, который съумѣетъ словомъ или дѣломъ выпутаться изъ критическаго обстоятельства; оно цѣнило его доступность, знало, что при немъ люди будутъ „доходити княжѣе правды". Любовь земства къ Владиміру рисуетъ намъ идеалъ нужнаго ему князя: это долженъ быть хорошій защитникъ земли, правильный и всегда доступный судья.

Въ 1113 г. по смерти Святополка Кіевляне собираются на вѣче и посылаютъ звать Владиміра на Кіевскій столъ, а сами между тѣмъ расплачиваются по старымъ счетамъ съ приверженцами умершаго князя (Ип. 198). Такъ какъ Владиміръ медлилъ, (вѣроятно, онъ взвѣшивалъ шансы борьбы съ другими претендентами на Кіевскій столъ), то Кіяне (вѣроятно болѣе знатные) зовутъ его снова, опасаясь, чтобы безпорядки, вызванные смертью Святополка, не приняли очень обширныхъ размѣровъ.

Почти всѣ историки за исключеніемъ г. Самоквасова, (Ж. М. Н. П. 1869, 11, 81 стр.) видятъ въ приглашеніи Владиміра осуществленіе народнаго права призванія князя, „первую серьезную попытку рѣшенія вѣча" (Хлѣбниковъ 266). Дѣйствительно, по родовымъ счетамъ Владиміръ не имѣлъ на Кіевскій столъ никакого права и не видѣть

въ приглашеніи Владиміра народнаго права призванія князя можно только при полномъ увлеченіи стремленіемъ доказать во что-бы то ни стало Кіевскую монархію въ отличіе отъ Новгородской республики (фальшивое положеніе г. Самоквасова).

Опредѣлить взаимныя отношенія Владиміра и Кіевскаго земства весьма трудно, благодаря отсутствію на это данныхъ въ лѣтописи. 1110 годомъ кончается первоначальная лѣтопись и съ 1111 въ Ип. спискѣ идетъ Кіевская лѣтопись. Начало этой лѣтописи (время Мономаха и Мстислава весьма сухо, многіе годы наполнены только 2, 3 замѣтками о чьемъ нибудь рожденіи или смерти, церковнымъ событіямъ отводится значительное мѣсто (напр. длинный разсказъ о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба). Болѣе живой и подробный разсказъ начинается только со времени Всеволода Ольговича.

Такимъ образомъ по лѣтописи намъ неизвѣстны отношенія между Владиміромъ и Кіевскимъ земствомъ, мы можемъ однако утверждать, что они были хороши: Владиміръ прекрасно понималъ, какъ можно заслужить популярность у земства, земство же съ такой любовью вспоминало о Владимірѣ, что не находило лучшей похвалы для князя, какъ приравненіе его къ Владиміру. Вѣроятно, взаимное расположеніе Владиміра и Кіевскаго земства выражалось въ обоюдныхъ услугахъ. Такъ Владиміръ устанавливаетъ законы о рѣзахъ [1]) (процентахъ), а что этотъ законъ былъ важенъ для народа и ограничивалъ широко развившееся злоупотребленіе, доказывается безпощадною ненавистью, которую проявили Кіевляне по смерти Святополка къ главнымъ ростовщикамъ-жидамъ. Въ свою очередь земство доказывало свое расположеніе къ Владиміру, отдавая въ его распоряженіе земское ополченіе. Хотя лѣтопись и не упоминаетъ о составѣ войскъ Владиміра въ его походахъ, но едва-ли бы онъ могъ предпринимать съ одной только дружиной такіе отдаленные и опасные походы, какимъ былъ напр. походъ его на Полоцкую землю.

Такимъ образомъ, земство было вполнѣ довольно Владиміромъ, онъ удачно борется съ наиболѣе опасными и заклятыми врагами Кіевлянъ, Половцами (а также Торками, Берендѣями, Печенѣгами), правильно творитъ судъ (что доказываютъ его законы о рѣзахъ).

---

[1]) Русск. Правда въ Русск. Достопамятностяхъ, ч. I, стр. 40.

По смерти Мономаха Кіевскій столъ занялъ сынъ его Мстиславъ. Лѣтопись (Ип. 208) говоритъ только, что Мстиславъ, старѣйшій сынъ Мономаха, „сѣдѣ на столѣ въ Кіевѣ, отца мѣсто своего"; предшествовало ли занятію Мстиславомъ Кіевскаго стола избраніе его въ князья на народномъ вѣчѣ, мы не знаемъ по лѣтописи. Можетъ быть, Владиміръ взялъ съ вѣча обѣщаніе, что по его смерти княземъ у нихъ станетъ его сынъ, а всего вѣроятнѣе, что уваженіе къ Владиміру и его отрасли было такъ велико, что преемникомъ ему само собою разумѣлся сынъ его. Самоквасовъ (Ж. М. Н. Пр. 1869, II, 83) говоритъ, что Мономахъ посадилъ въ Кіевѣ сына Мстислава; доказываетъ онъ это мѣстомъ лѣтописи, подъ 1145 г. Здѣсь Всеволодъ Ольговичъ говоритъ: „и намъ Володиміръ посадилъ Мстислава, сына своего *по собѣ въ Кіевѣ*, а Мстиславъ—Ярополка, брата своего; а се я молвлю: аже мя Богъ поиметь, *то азъ по собѣ даю брату своему Игореви Кіевъ*" (курсивъ г. Самоквасова). Изъ этого мѣста, а также изъ разсказа о смерти Мономаха, гдѣ лѣтопись говоритъ, что „сынове его (Владиміра) *разидошася кождо въ свою волость* съ плачемъ великимъ, *идѣже* бяше комуждо ихъ разъаялъ волости" г. Самоквасовъ выводитъ, что въ фактѣ вокняженія Мстислава не было народнаго избранія. Но разберемъ первое мѣсто лѣтописи. По какому поводу были сказаны выше-приведенныя слова Всеволодомъ? „Въ лѣто 6653 (1145 г.) посла Всеволодъ по братью свою, по Игоря и Святослава и по Давидовича по Володимера и Изяслава и придоша Киеву"... затѣмъ идутъ вышеприведенныя слова Всеволода: и „намъ Володиміръ и проч. Замѣтимъ, что здѣсь въ лѣтописи пробѣлъ въ 7 строкъ; очевидно Всеволодъ продолжаетъ свою рѣчь къ князьямъ, убѣжда ихъ признать послѣ его смерти Кіевскимъ княземъ Игоря. Всеволодъ думаетъ придать своему предложенію убѣдительности ссылкой на бывшій до него въ Кіевѣ обычай передавать столъ ближайшему родственнику: онъ имѣетъ, вѣроятно, въ виду особенно Изяслава Мстиславича (о которомъ и лѣтопись говоритъ, что онъ много замышлялъ и только изъ необходимости—нужа бысть—поцѣловалъ крестъ) и старается подѣйствовать на него ссылкой на дѣда Мономаха и отца Мстислава. Очевидно, Всеволоду было бы весьма неудобно сослаться на народное избраніе, какъ на основаніе для занятія стола: вѣдь и самъ-то онъ занялъ Кіевскій столъ не по волѣ народной, а силой оружія,—зналъ вѣковую ненависть Кіевлянъ къ Черниговцамъ и никакъ поэтому

не могъ надѣяться, чтобы Кіевляне выбрали его брата себѣ княземъ. Поэтому онъ такъ и напираетъ на предполагаемомъ правѣ князя назначать себѣ преемника. Какже можемъ мы вполнѣ довѣрять словамъ Всеволода, когда мы имѣемъ основаніе думать, что если фактъ избранія и былъ, то его бы Всеволодъ ни въ какомъ случаѣ не упомянулъ, потому что этимъ онъ далъ бы вѣское оружіе противъ себя. Онъ какъ будто чего то не договариваетъ, напираетъ на будто бы установленный обычай (замѣтьте, что онъ не идетъ дальше Мстислава, не говоритъ, какимъ образомъ Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ), давая этимъ возможность догадываться о существованіи другаго принципа, котораго онъ именно и опасается [1]).

Разбирать второе мѣсто послѣ разбора перваго я считаю лишнимъ.

Такимъ образомъ, если лѣтопись не говоритъ о какомъ бы то ни было соглашеніи народа съ Владиміромъ или съ его сыномъ, не приводитъ обычнаго позже взаимнаго крестнаго цѣлованія, то изъ умолчанія еще не слѣдуетъ, чтобы ничего подобнаго не было; съ одной стороны мы знаемъ изъ многихъ случаевъ, что народъ никогда не призывалъ князя съ его потомствомъ (это была одна изъ немногихъ гарантій, которыя выработало народное сознаніе: „Ольговичъ не хочемъ быти, аки въ задничи“ (Ип. 230); а во 2-хъ, въ самыхъ словахъ Всеволода можно видѣть какъ бы намекъ, что дѣло происходило не совсѣмъ-то такъ, какъ онъ его изображаетъ (см. выше.).

Взаимныя отношенія Мстислава и Кіевскаго земства намъ не извѣстны по лѣтописи (впрочемъ, здѣсь лѣтопись еще убійственно суха и даетъ одни отрывочныя извѣстія); можно думать, что добрыя чувства, какія питалъ Кіевъ къ Владиміру, остались такими же по отношенію и къ его сыну; Мстиславъ за свое короткое правленіе велъ много войнъ (упоминаются 4 его большіе похода, но, какъ кажется, лично онъ участвовалъ только въ одномъ—на Литву). Замѣчательно, что Кіевляне упоминаются, какъ участники только этого четвертаго похода;—всѣ бывшіе на первомъ походѣ, противъ Кривскихъ князей, пересчитываются весьма подробно, но имени Кіевлянъ здѣсь нѣтъ. (Слова Лавр. (233)—и сына своего Изяслава и с Курска съ своимъ полкомъ посла и на Лагожескъ,—здѣсь *своимъ* я отношу къ Изяславу).

---

[1]) Притомъ мы же знаемъ (см. ниже), что Ярополкъ занялъ Кіевскій столъ по приглашенію Кіевлянъ.

Быть можетъ, Мстиславъ, какъ добрый князь, не вмѣшивалъ Кіевлянъ въ свои личныя распри (причина раздора Мстислава съ Полоцкими князьями: зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли е зовяшеть въ русскую землю въ помощь, паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье—(Ип. 217). Въ походѣ же на Литву (неудачномъ) Кіевляне учавствовали, такъ какъ бить поганыхъ было не только дѣломъ удальства, но и дѣломъ христіанскимъ. Вѣроятно, Мстиславъ предпринималъ и другіе походы, о которыхъ лѣтопись ничего не говоритъ; доказывается это тѣмъ, что подъ 1140 г. (Ип. 218) вспоминается какой-то большой походъ Мстислава на Половцевъ, которыхъ онъ загналъ за Донъ, Волгу и за Яикъ, между тѣмъ какъ объ этомъ походѣ прежде, при разсказѣ о княженіи Мстислава, ничего не сказано; конечно, Кіевляне учавствовали въ этомъ популярномъ походѣ. Лѣтописецъ за дѣла противъ поганыхъ приравниваетъ Мстислава къ Владиміру Мономаху. „Мстиславъ великій наслѣди отца своего потъ Володимера Мономаха великаго (Ип. 217). Въ извѣстіи лѣтописи о походѣ Мстислава на Литву сказано: „а Кыянъ тогда много побиша Литва, не втягли бо бяху съ княземъ, но послѣди идяху по немъ особѣ“. Медленнымъ сборомъ земскаго ополченія между прочимъ не объясняется ли то, что князья во многихъ походахъ (преимущественно тѣхъ, гдѣ требовалось внезапное нападеніе) обходились одной дружиною?

Въ лѣто 6641 (1133 г.), говоритъ лѣтопись (Ип. 212) преставися благовѣрный князь Мстиславъ, Володимерь сынъ, оставивъ княженіе брату своему Ярополку, ему-же и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предасть“. Въ Лаврент. дѣло представлено совершенно иначе; „преставися Мстиславъ, сынъ Володимерь, мѣсяца априля въ 14 день, и сѣде по немъ братъего Ярополкъ, княжа Кіевѣ, *людье бо Кыяне послаша понь* (Лавр. 286). Одни изъ историковъ, напр. г. Самоквасовъ (р. 84) признаютъ только извѣстіе Ипат. лѣтописи и утверждаютъ поэтому, что вокняженіе Ярополка произошло единственно на основаніи завѣщанія Мстислава; Сергѣевичъ и Костомаровъ принимаютъ второе извѣстіе—Лавр. лѣтописи и видятъ здѣсь народное избраніе. По Самоквасову, слова Лавр. „людіе бо кыяне послаша понь“, могутъ означать „простое извѣщеніе старѣйшаго Ярополка о смерти предшественника и приглашеніе принять столъ, принадлежавшій ему по праву, какъ это мы видѣли (?) въ приглашеніи Мономаха“. Соловьевъ ставитъ оба факта одинъ

подлѣ другаго, но, кажется, отдаетъ предпочтеніе первому": Мстиславу наслѣдовалъ, по всѣмъ правамъ, братъ его Ярополкъ... у Ярополка не было соперниковъ, онъ былъ единственный князь, который могъ сѣсть на старшій столъ по отчинѣ и дѣдинѣ; онъ крѣпко сидѣлъ въ Кіевѣ и потому еще, что люди кіевскіе послали за нимъ „(Ист. Рос. II, 96). Выше онъ говоритъ": княженіе Мстислава, бывшее совершеннымъ подобіемъ отцовскаго, утвердило въ народѣ вѣру въ достоинство племени Мономахова" (ibid).

Сергѣевичъ примиряетъ оба извѣстія тѣмъ, что переходъ кіевскаго стола къ Ярополку былъ результатомъ *совпаденія* воли народа съ волею умершаго князя, который высказался въ пользу Ярополка, надѣясь пріобрѣсти въ немъ покровителя и союзника своимъ дѣтямъ.

Съ одной стороны мы видимъ у Мономаховичей какъ бы стремленіе установить переходъ кіевскаго стола въ своей линіи по родовому старѣйшинству; послѣ Мономаха занимаетъ кіевскій столъ Мстиславъ (правда, это и былъ единственный законный наслѣдникъ Мономаха: братьевъ у Владиміра не было въ живыхъ); послѣ Мстислава садится на кіевскій столъ не сынъ его, а братъ, какъ именно и слѣдовало по родовому старѣйшинству. Но народъ, какъ мы видѣли, напр., въ фактѣ вокняженія Владиміра Мономаха, не признавалъ родовыхъ счетовъ для себя обязательными; Мстиславъ былъ добрымъ княземъ въ глазахъ Кіевлянъ, нельзя поэтому думать, чтобы онъ рѣшилъ такой важный для нихъ вопросъ, какъ переходъ стола, безъ ихъ согласія; или можно предположить, что Мстиславъ и не заключалъ договора въ этомъ смыслѣ съ Кіевлянами, но Кіевляне знали о его желаніи назначить себѣ преемникомъ Ярополка; во всякомъ случаѣ, выраженіе: „послаша" предполагаетъ совѣщаніе, вѣче; уваженіе къ памяти Мстислава Володимеровича могло быть такъ сильно, что Кіевляне съ охотой рѣшили на вѣчѣ исполнить извѣстное имъ желаніе князя и послали къ Ярополку.

Короткое княженіе Ярополка (1132—1138) прошло все въ войнахъ съ Ольговичами, разгорѣвшихся вслѣдствіе передачи Ярополкомъ Переяславля Всеволоду Мстиславичу (въ чемъ Ярополкъ условился съ Мстиславомъ); къ Ольговичамъ пристали Изяславъ и Святополкъ Мстиславичи. Кіевляне помогаютъ Ярополку (1136—Ип. 215—„Ярополкъ же бяше собралъ множество вои на нь (на Всеволода Ольговича) изо всихъ земель".—Ярополкъ совокупи вои *кіевскіе* (Ип. 214); въ несчастной

битвѣ у Супоя (Ип. 214) упоминаются многіе бояре кіевскіе, взятые въ плѣнъ Ольговичами. Постоянное безпрекословное участіе Кіевлянъ въ войнахъ Ярополка, въ которыхъ земля ихъ была неоднократно опустошена Ольговичами, доказываетъ большую привязанность ихъ къ Мономаховичамъ.

По смерти Ярополка на кіевскій столъ садится Вячеславъ Володимеровичъ, но Всеволодъ Ольговичъ осаждаетъ Кіевъ, изгоняетъ Вячеслава и самъ вокняжается въ Кіевѣ. Лѣтопись говоритъ, что Вячеславъ уступилъ Всеволоду безъ борбы,—не видно даже, чтобы онъ обратился къ Кіевлянамъ съ просьбой постоять за него. Но это скорѣе всего объясняется недѣятельнымъ характеромъ Вячеслава, которому дороже всего былъ покой: еще прежде онъ бросилъ несравненно болѣе выгодный, но по своему положенію заставлявшій князя быть всегда на сторожѣ, Переяславль и промѣнялъ его на второстепенный, но спокойный Туровъ.

Итакъ, кіевскій столъ не занимаетъ, а завоевываетъ совсѣмъ чужой князь, Всеволодъ Ольговичъ. Спрашивается, каковы же были отношенія Кіевлянъ къ Всеволоду, князю, который, помимо вѣковой ненависти ихъ ко всему Черниговскому, былъ имъ хорошо памятенъ опустошеніями кіевской земли въ борьбѣ съ Ярополкомъ, да еще прибавилъ горечи къ воспоминаніямъ Кіевлянъ: овладѣлъ Кіевомъ посредствомъ приступа и пожара (зажегъ дворы съ Копырева конца)?

Всеволодъ провелъ все свое княженіе въ войнахъ то съ Мономаховичами, то съ своими же Ольговичами; но замѣчательно, что въ его походахъ Кіевляне не разу не упоминаются, ихъ нѣтъ даже въ походѣ почти всѣхъ южнорусскихъ князей на Владимірка, гдѣ участвовали и Мономаховичи (Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи и Вячеславъ Володимеровичъ). Въ 1145 г. (Ип. 227) Всеволодъ созываетъ братьевъ своихъ: Игоря и Святослава Ольговичей, двоюродныхъ братьевъ Давидовичей (Владиміра и Изяслава) и, вѣроятно Изяслава Мстиславича въ Кіевъ и объявляетъ имъ о своемъ желаніи, чтобъ кіевскій столъ перешелъ послѣ его смерти къ брату Игорю. Здѣсь Всеволодъ обращается къ однимъ только князьямъ, заручается ихъ (впрочемъ, далеко не искреннимъ) согласіемъ; князья цѣлуютъ крестъ, что не станутъ ничего силой требовать отъ Игоря („что вы начнете даяти, но по воли, а не по нужи“). (Ип. 227). Интересно, что Всеволодъ ни слова не говоритъ князьямъ объ отношеніяхъ къ нему (и, конечно, къ будущему

князю Игорю) кіевскаго земства, хотя, какъ видно изъ дальнѣйшаго, придавалъ большое значеніе согласію Кіевлянъ, но какъ выше уже было показано, Всеволоду было очень неудобно показывать передъ князьями свое больное мѣсто—натянутое отношеніе земства. Указавъ шаткое положеніе свое и Игоря, онъ бы далъ этимъ сильное оружіе въ руки князьямъ. Конечно, не будь самыя его отношенія къ князьямъ такъ натянуты, онъ бы заручился ихъ содѣйствіемъ противъ кіевскаго земства, но тутъ онъ долженъ былъ лавировать между двухъ скалъ.

Въ слѣдующемъ 1146 г. Всеволодъ, вернувшись изъ похода на Владимірка, заболѣлъ; онъ посылаетъ за Игоремъ и Святославомъ, ѣдетъ въ Вышгородъ, останавливается на островѣ подъ Вышгородомъ, призываетъ сюда Кіевлянъ и предлагаетъ имъ въ свои преемники Игоря („а се вы братъ мой Игорь, иметесь понь"), они же рекоша „княже ради, ся имемъ" (Ип. 229). Кіевляне ведутъ Игоря подъ Угорское и тутъ цѣлуютъ ему крестъ (рекуче: „ты нашъ князь)„; на слѣдующій день Игорь ѣдетъ въ Вышгородъ и Вышгородцы цѣлуютъ ему крестъ отдѣльно. Вышгородъ, какъ кажется, тогда только получилъ значеніе свободнаго города, а прежде былъ пригородомъ Кіева, и князь кіевскій само-собою былъ и вышгородскимъ; теперь, напротивъ; Вышгородъ также присягаетъ особо. Это показываетъ, что Вышгородъ достигъ бо́льшей самобытности (Костомаровъ Моп. I, 171).

Всеволодъ успѣлъ еще послать къ Изяславу Мстиславичу и къ Давидовичамъ спросить, стоятъ ли они на крестномъ цѣлованіи, на что тѣ отвѣтили что стоятъ. 1-го августа умираетъ Всеволодъ (въ Вышгородѣ); Игорь ѣдетъ въ Кіевъ, сзываетъ Кіевлянъ въ Ярославовъ дворъ, гдѣ они и цѣлуютъ ему (вторично) крестъ; но затѣмъ Кіевляне собираются сами у Туровой божницы и зовутъ къ себѣ князя на переговоры. Игорь не ѣдетъ къ нимъ самъ, а посылаетъ брата Святослава. Кіевляне жалуются Святославу на притѣсненія княжихъ тивуновъ „Ратша, говорятъ они, разорилъ Кіевъ, а Тудоръ—Вышгородъ, цѣлуй намъ съ братомъ крестъ, что если кому будетъ обида, ты самъ станешь судить". Святославъ отвѣчалъ: „язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилія никотораго же, а се вамъ и тивунъ, а по вашей воли" и на этомъ цѣловалъ крестъ. Кіевляне же вси, сшедше съ конь и начаша молвити: „братъ твой князь и ты" и на томъ цѣловали вси Кіяне крестъ, и с дѣтьми, оже подъ Игоремъ не льстити и подъ Святославомъ. И Святославъ поима лутшѣи кияне и

ѣха съ ними брату своему Игореви и рече: брате, на томъ азъ цѣловалъ к нимъ хрестъ, аже ти я имѣти въ правду и любити. Игорь жо съсѣдъ с коня и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли и на братьни (см. Ип. 229—232). Затѣмъ Кіевляне грабятъ Ратьшинъ дворъ и мѣчьниковъ. Игорь посылаетъ къ Изяславу съ вопросомъ, стоитъ-ли онъ на крестномъ цѣлованіи, Изяславъ не далъ ему никакого отвѣта. Между тѣмъ, говоритъ лѣтопись, „не угоденъ бысть Кияномъ Игорь и послашася къ Переяславлю къ Изяславу, рекуче: „поиди, княже к намъ, хочемъ тебе“ Изяславъ пошелъ къ Кіеву; при переправѣ черезъ Днѣпръ у Заруба, къ нему присылаютъ Черныи Клобуци и все Поросье и рекоша ему: ты нашъ князь, а Олговичь не хочемъ, а поѣди в борзѣ и мы съ тобою“. За тѣмъ къ нему присылаютъ Бѣлгородцы и Василевцы (Кіевскіе пригороды): „поиди, ты нашъ князь, а Олговичѣвь не хочемъ“. Наконецъ, присылаютъ снова Кіевляне: „ты нашъ князь, поѣди, Олговичевъ не хочемъ быти акы въ задничи, кдѣ узримъ стягъ твой, ту и мы съ тобою готовы есмь“....

Игорь между тѣмъ приготовился къ борьбѣ и призвалъ на помощь Давыдовичей, но измѣна проникла теперь въ самую дружину: княжій тысяцкій Улебъ, Иванъ Войтишичъ, Лазарь Саковскій, а въ Святославовомъ полку Василь Полочанинъ и Мирославъ Хиличь внукъ сговорились съ Кіевлянами перейти на сторону Изяслава во время самой битвы. Дѣйствительно, когда Изяславъ подошелъ къ Кіеву, а Игорь съ Давыдовичами вышелъ къ нему съ войскомъ, состоявшимъ изъ Черниговскихъ полковъ и Кіевлянъ, послѣдніе обратились на Игоря, захватили его обозъ и перешли къ Изяславу, чѣмъ и рѣшили дѣло въ его пользу. Самъ Игорь попалъ въ плѣнъ.

Разберемъ теперь приведенное мѣсто лѣтописи.

Всеволодъ зоветъ Кіевлянъ и предлагаетъ себѣ въ преемники Игоря. Кіевляне согласны и цѣлуютъ Игорю крестъ. Замѣчательно здѣсь во 1-хъ то, что Всеволодъ, силой самъ овладѣвшій Кіевомъ, помимо народной воли, вступаетъ теперь въ соглашеніе съ народомъ. Причина такого поведенія Всеволода кроется въ отношеніи его къ князьямъ. Всеволодъ, будучи Кіевскимъ княземъ, долженъ былъ постоянно лавировать между Мономаховичами и Ольговичами; онъ соединялся то съ Мономаховичами противъ Ольговичей, то — наоборотъ; успокаивалъ притязанія Ольговичей то обѣщаніями, то дѣйствительно давалъ имъ что нибудь; но, какъ искусный политикъ, не желая допустить ихъ

усиленія, давалъ земли не въ Черниговской области, а въ Кіевской (такъ онъ, не смотря на просьбы Давидовичей, не отдаетъ имъ земли Вятичей). Такимъ образомъ Игорю предстояло продолжать сложную политику Всеволода, если онъ не желалъ лишиться своей единственной опоры на Кіевскомъ столѣ—сохраненіе за собою черниговскихъ земель, откуда Всеволодъ и почерпалъ свои силы. Опасность грозила еще со стороны Изяслава Мстиславича, который „по нужѣ“ только признанъ Кіевскимъ княземъ Игоря. Онъ легко могъ объявить претензію на Кіевскій столъ по смерти Всеволода, что дѣйствительно и случилось. Вотъ поэтому-то Всеволодъ и хлопочетъ, съ цѣлью заручиться согласіемъ Кіевлянъ; онъ зналъ, какую важную роль игралъ народъ въ вопросѣ о занятіи стола и думалъ обезпечить Игорю если не содѣйствіе, то по крайней мѣрѣ нейтралитетъ Кіевскаго земства. Обѣщаны-ли были тогда-же Кіевлянамъ какія-нибудь льготы, лѣтопись не говоритъ, но цѣлованіе крестаВышегородцами отдѣльно отъ Кіевлянъ доказываетъ, что первые, вѣроятно, подъ залогъ своего будущаго содѣйствія Игорю, получаютъ нѣкоторое расширеніе своихъ правъ (см. Костомаровъ, Мон. I, 171). Извѣстно, что стольный городъ (центръ) земли заключалъ договоры, обязательные и для его пригородовъ, цѣловалъ крестъ обыкновенно за себя и за нихъ. Так. обр., если Вышгородъ цѣлуетъ крестъ отдѣльно отъ Кіева, то здѣсь нельзя не видѣть стремленія этого пригорода къ обособленію себя отъ власти своего города, это стремленіе Вышгорода тѣмъ понятнѣе, что онъ уже до того имѣлъ своихъ князей (Ярополкъ далъ Вышгородъ въ удѣлъ Всеволоду Мстиславичу, Ип. 216). Вышгородъ вообще, какъ кажется, былъ преданъ Всеволоду болѣе, чѣмъ Кіевъ; разсказывая о захватѣ Всеволодомъ Кіевскаго стола, лѣтопись говоритъ, что Всеволодъ подошелъ сначала къ Вышгороду и вошелъ въ городъ свободно (о сопротивленіи ничего не сказано); когда Вячеславъ уступаетъ Всеволоду Кіевъ, то Всеволодъ ѣдетъ снова въ Вышгородъ и пережидаетъ тамъ, пока Вячеславъ не переѣхалъ въ свою волость, Туровъ. Наконецъ, самый фактъ, что Всеволодъ изъ Кіева ѣдетъ въ Вышгородъ и призываетъ сюда Кіевлянъ для договора, доказываетъ, что онъ больше довѣрялъ Вышегородцамъ, нежели Кіевлянамъ.

Умираетъ Всеволодъ,—Кіевляне цѣлуютъ Игорю крестъ, но затѣмъ собираются на вѣче, зовутъ къ себѣ князя и жалуются на притѣсненія тивуновъ. Вѣроятно, Кіевляне спохватились, что слишкомъ

поспѣшно цѣловали крестъ; Игорь (или лучше, Святославъ, болѣе энергичный и дѣйствующій постоянно за Игоря) видитъ это и поступается правами своими, лишьбы сохранить добрыя отношенія къ земству, тіуны (судебные, а, быть можетъ, это были посадники, которые напр. въ Новгородѣ творили судъ за князя), дотолѣ назначаемые княземъ, отдаются на волю народа, становятся выборными.

Дѣло идетъ еще дальше: князь цѣлуетъ Кіевлянамъ крестъ *на всей ихъ волѣ*. Что значитъ это выраженіе? лѣтопись не опредѣляетъ, въ чемъ состояла воля Кіевлянъ; можетъ быть точной формулировки тутъ и не было; обѣ стороны понимали другъ друга. Здѣсь можно видѣть настоящій рядъ договоръ: Кіевляне принимаютъ князя на извѣстныхъ условіяхъ, объемъ которыхъ общеизвѣстенъ; Кіевляне являются хозяевами, заключающими условіе. Въ этомъ договорѣ съ Игоремъ, мнѣ кажется, яснѣе всего проявилось свободное право призванія князя; Кіевляне оставляютъ за собой право контролировать исполненіе условія найма; лѣтопись говоритъ далѣе: „не угоденъ бысть Кияномъ Игорь„— фраза, прекрасно характеризующая свободныя условія найма: тутъ впервые проявилось прямо, незамаскированное (насиліемъ со стороны князя или расположеніемъ со стороны народа) народное сознаніе права имѣть князя по своей волѣ. И вотъ, недовольные принятымъ княземъ Кіевляне посылаютъ къ Изяславу, зовутъ его къ себѣ въ князья. Очевидно, ихъ желаніе было извѣстно всей Кіевской землѣ: послѣ Кіевлянъ шлютъ къ Изяславу приглашеніе и пригороды (и Черные Клобуки) и излагаютъ его всѣ въ однихъ и тѣхъ же почти словахъ—„ты нашъ князь, Ольговичей не хочемъ“. (Посылка пословъ къ Изяславу отдѣльно отъ пригородовъ нисколько не доказываетъ ихъ самостоятельности отъ рѣшенія главнаго города земли, напротивъ: доказываетъ ихъ единеніе (одиначество); пошли пригородъ къ другому князю, тогда, конечно, онъ бы высказалъ этимъ свою самостоятельность, а здѣсь, въ этихъ отдѣльныхъ посольствахъ, видно только выраженіе общей симпатіи къ Изяславу). Кіевляне, вернувшись съ Изяславомъ въ Кіевъ, грабятъ домы Игоревой и Всеволожей дружины „и села и скоты; взяша имѣнья многа в домехъ и в манастырехъ. (Ип. 233).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію народнаго участія во время княженія Изяслава.

Изяславу было весьма трудно держаться на Кіевскомъ столѣ:

Святославъ Ольговичъ, братъ Игоря, соединившись съ Юріемъ Долгорукимъ, началъ съ нимъ продолжительную борьбу. Изяславу приходилось прибѣгать къ тому же методу, къ которому прибѣгалъ и Всеволодъ въ борьбѣ съ Мономаховичами и Ольговичами: онъ старался разъединить враговъ,—для этого онъ соединяется съ Давидовичами.

Я не намѣренъ подробно описывать событія княженія Изяслава, состоявшія исключительно въ войнахъ съ Святославомъ Ольговичемъ и Юріемъ Долгорукимъ, при чемъ Давидовичи то помогали Изяславу, то измѣняли ему; я остановлюсь только на тѣхъ эпизодахъ Изяславова княженія, гдѣ видно участіе народа; такихъ эпизодовъ въ лѣтописи не мало, такъ какъ лѣтопись весьма подробно описываетъ княженіе Изяслава.

Въ 1147 г. говоритъ лѣтопись (Ип. 242—3). Давидовичи зовутъ Изяслава на помощь противъ Святослава, занявшаго землю Вятичей, и предлагаютъ ему, когда покончатъ съ Святославомъ, идти на Юрія къ Суздалю. Изяславъ „созва бояре своя и всю дружину свою, Кияне", и объявляетъ имъ о предложеніи Давидовичей.—Кияне же, слышавше, рекоша: „княже не ходи съ Ростиславомъ на стрыя своего, лѣпле ся съ нимъ улади, Ольговичемъ вѣры не ими, ни съ ними ходи въ путь". Изяславъ же рече имъ: цѣловали ко мнѣ хрестъ, а думу есми съ ними думалъ, а всяко сего пути не хочю отложити, а вы доспѣвайте. „Кияне же рекоша: княже, ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимере племя рукы възняти: оня же Олговичъ, хотя и съ дѣтми". Изяславъ же рече имъ: „а тотъ добръ, кто по мнѣ поидетъ" и то рекъ, съвъкупи множество вои и поиде. Оказалось однако, что Давидовичи измѣнили Изяславу и соединились съ Святославомъ. Изяславъ посылаетъ одного посла къ брату Ростиславу въ Смоленскъ, другаго въ Кіевъ къ брату своему Володимеру: „того бо бяшеть оставилъ Изяславъ въ Киевѣ, и к митрополиту Климови и къ Лазореви тысячкому и рече имъ: „созовите Кияны на дворъ къ святѣй Софіи, ать мой посолъ молвить рѣчь мою къ нимъ и скажеть льсть Черниговскихъ князей": Кияномъ же всимъ, съшедшимся отъ мала и довелика къ святѣй Софіи на дворъ; въставшемъ же имъ въ вѣчи и рече имъ Изяславль посолъ: цѣловалъ вы князь свои"... посолъ разсказываетъ (отъ лица Изяслава) объ измѣнѣ Давидовичей, напоминаетъ сказанныя Кіевлянами передъ походомъ слова, что на Володимерово племя они не могутъ поднять руки, но на Ольговичей готовы ити хоть съ дѣтьми,—„нынѣ

же, братье Кияне, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, поидите по мнѣ къ Чернигову на Олговичъ, доспѣвайте отъ мала и до велика: кто имѣетъ конь, кто ли не имѣетъ коня, а въ лодьи; ти бо суть не мене одного хотѣли убити, но и васъ искоренити (напоминаніе опустошеній Кіевской земли Ольговичами)? Кияне же рекоша: „ради, оже ны Богъ тебе избавилъ отъ великия льсти братью нашю, идемъ по тобѣ и с дѣтми, якоже хощеши“. Но вдругъ тутъ одному изъ Кіевлянъ припомнилась старая исторія съ Всеславомъ Полоцкимъ; не можетъ ли повториться подобная исторія и теперь: могутъ вывесть изъ монастыря Игоря и объявить его княземъ, не лучше ли его убить? Кіевляне принимаютъ этотъ совѣтъ и идутъ къ монастырю, гдѣ находился Игорь [1]). На возраженія Владиміра: вамъ опасности съ этой стороны нѣтъ, такъ какъ Игоря сторожитъ стража, Кіевляне отвѣчаютъ: „мы вѣдаемъ, оже не кончати добромъ съ тѣмъ племенемъ, ни вамъ ни намъ, коли любо“, и вслѣдъ за тѣмъ въ лѣтописи подробно описана трагическая смерть Игоря. Его тѣло свезли на Подолъ и поставили на торговищѣ. Владиміръ посылаетъ тысяцкаго взять тѣло Игоря и похоронить его; Кіевляне говорятъ тысяцкому: „не мы его убили, но Олговичъ, Давыдовича и Всеволодичъ, оже мыслили на нашего князя зло, хотяче погубити льстью, но Богъ за нашимъ княземъ и святая София“, Изяславу приходитъ изъ Кіева вѣсть о случившемся; онъ хотя и „жалова на Кияны“, но ему было собственно непріятно то, что мо-

---

[1]) Въ Лаврент. нѣсколько отлично описываются подробности вѣча Кіевлянъ (300). „Изяславъ же передъ собою посла к брату Киеву к Володимеру и к Лазареви к тысяцкому 2 мужа: Добрынку и Радила, рекъ, „брате, ѣди к митрополиту и съзови Кыяны всѣ ать молвита си мужа лесть Черниговскихъ князей“. И ѣха Володимеръ к митрополиту, повабя Кыяны, и придоша Кыянъ много множство и сѣдоша у святое Софьи (слышати), и рече Володимеръ к митрополиту: „се прислалъ братъ мой 2 мужа Кыянина, ато молвятъ братьѣ своей“, и выступи Добрынъка и Радило и рекоша: „цѣловалъ тя братъ, а митрополиту ся покланялъ и Лазаря цѣловалъ и Кыяны всѣ“. Рекоша Кыяне „молвита, с чимь васъ князь прислалъ“? Затѣмъ идетъ рѣчь пословъ и вообще весь разсказъ сходенъ съ Ип., толко изложеніе Ип. подробнѣе (Впрочемъ, въ Лавр. есть нѣсколько мелкихъ подробностей, которыхъ нѣтъ въ Ип.: Кожюховы сѣни, церковь Богородицы на Бабиномъ торжку, Новгородская божница въ Михайловской церкви).

гуть подумать, будто бы онъ подучилъ Кіевлянъ убить Игоря—и въ этомъ смыслѣ онъ и жалуется дружинѣ; дружина успокаиваетъ его тѣми же словами, какими отвѣчали Кіевляне тысяцкому: настоящіе убійцы Игоря—его братья, цѣловавшая тебѣ крестъ и хотѣвшая тебя лестью убить".

Скоро завязалась у Изяслава борьба съ Юріемъ. Изяславъ далъ недовольному почему-то отцемъ Ростиславу Юрьевичу удѣлъ въ русской землѣ, но потомъ, по навѣту нѣкоторыхъ лицъ, обвинявшихъ Ростислава въ стремленіи возбудить Кіевлянъ и Берендѣевъ противъ Изяслава въ пользу отца отнялъ у него данное. Ростиславъ вернулся къ отцу и Юрій „за соромъ сына" идетъ на Изяслава. Изяславъ рѣшается вступить съ нимъ въ борьбу, но „Кияномъ же не хотящемъ, глаголющимъ"; „мирися, княже, мы не идемъ", онъ же рече: „поидите со мною, ать ми ся добро с ними отъ силы мирити"—и поидоша Кияне по Изяславѣ". Тѣмъ не менѣе борьба была неудачна, Изяславъ проигралъ битву и „бѣжалъ самъ третей Киеву". Тутъ онъ съ братомъ Ростиславомъ „явиста Кианомъ, рекуче, се стрый наю пришелъ, а вѣ вамъ являевѣ; можете ли ся за наю бити? Они же рекоша: господина наю князя, не погубита насъ до конца, се нынѣ отци наши и братья наша и сынови наша на полку, они изоимани, а друзии избьенни, и оружие снято, а нынѣ ать не возмуть насъ на полонъ, поѣдита въ свои волости, а вы вѣдаета, оже намъ съ Гюргемъ не ужити; аже по сихъ днехъ кде узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы". Изяславъ послушалъ Кіевлянъ и уѣхалъ во Владиміръ, Юрій же вступилъ въ Кіевъ, „и множество народа выде противу ему, с радостью великою. (Ип. 268).

Изяславъ вовсе не думалъ отдать Юрію Кіевъ безъ борьбы. Если Кіевляне пока и отказали ему въ помощи, то онъ могъ добыть военную силу у иностранныхъ сосѣдей, съ которыми находился не только въ дружественныхъ, но и родственныхъ отношеніяхъ (сестра Изяслава была за Угорскимъ королемъ, Болеславъ польскій приходился ему сватомъ, сватомъ же былъ ему и Чешскій князь Володиславъ). Притомъ Кіевляне только временно отказали ему въ помощи; сами они были обезсилены и не могли одни продолжать борьбы, но они же обѣщали тотчасъ примкнуть къ Изяславу, если тотъ раздобудетъ силы на сторонѣ.

Иностранные родственники Изяслава, особенно Угорскій король, дѣйствительно весьма ревностно поддерживаютъ его, и Изяславъ съ

ихъ помощію не разъ водворяется въ Кіевѣ. Первый походъ Юрія на Изяслава къ Луцку кончился примиреніемъ, но скоро новая и на этотъ разъ успѣшная для Изяслава борьба началась изъ за пустаго предлога: Изяславъ счелъ себя оскорбленнымъ тѣмъ, что награбленное въ походѣ Юрія имущество Изяслава не было ему сполна возвращено. Онъ прогоняетъ изъ Пересопницы Глѣба Юрьевича и идетъ къ Кіеву; по дорогѣ заходитъ въ землю Черныхъ Клобуковъ, которые съ радостью присоединяются къ нему. Юрій даже не зналъ о приближеніи Изяслава, захваченный въ расплохъ, онъ долженъ былъ бѣжать. Но еще раньше Изяслава въ Кіевъ вошелъ Вячеславъ Воолодиміровичъ (старшій братъ Юріа) и сѣлъ на Ярославовомъ дворѣ. Кіевляне вышли на встрѣчу Изяславу [1]) и объявили ему, что не хотятъ Вячеслава—ты нашъ князь, поѣди же къ святой Софьи, сяди на столѣ отца своего и дѣда (Ип. 276). Изяславъ шлетъ къ Вячеславу требованіе выйдти изъ Кіева въ свой Вышгородъ [2]). Хоть убей меня отвѣчаетъ Вячеславъ, а я не уйду; но упорство его длилось не долго, не въ характерѣ Вячеслава было настойчиво вести дѣло до конца, Изяславу стоило только указать ему то опасное положеніе въ которое онъ себя поставилъ, забравшись въ Кіевъ безъ согласія Кіевлянъ, (многіе Кіевляне предлагали Изяславу перебить Вячеслава съ дружиной,—(мнозіи начаша молвить князю Изяславу, „княже! ими и, дружину его изъемли, друзіи же молвяхуть, ать посѣчемъ подъ нимъ сѣни (Ип. 277); „видиши ли народа силу, людий полкъ стояща, говоритъ Изяславъ Вячеславу, а много ти замышливають) и Вячеславъ тотчасъ же оставилъ Кіевъ.

Тѣмъ временемъ со стороны Галича идетъ Владимірко въ помощь Юрію, который соединился съ Черниговскими князьями и шелъ съ другой стороны на Кіевъ. Изяславъ зоветъ Вячеслава на Кіевскій столъ,

---

[1]) Лавр. 309 говоритъ, что Изяславъ в малѣ пришелъ къ Киеву, *хотящимъ его Кияномъ*; сношенія Изяслава съ Кіевлянами вѣроятно, не прерывались по его удаленіи изъ Кіева, и онъ твердо разсчитывалъ на ихъ помощь, если шелъ „в малѣ“.

[2]) Вячеславъ сидѣлъ прежде въ Пересопницѣ. 1150 г. Юрій звалъ Вячеслава на Кіевскій столъ, но бояре указываютъ ему, что слабому Вячеславу не удержаться въ Кіевѣ, поэтому Юрій только переводитъ Вячеслава изъ Пересопницы въ Вышгородъ.

а самъ съ его дружиной и Кіевлянами идетъ на Владимірка[1]), неизмѣнные союзники Изяслава, черные клобуки присоединяются къ нему также. Но когда дѣло дошло до битвы, черные клобуки испугались силы Владимірка; у тебя мало дружины говорятъ они Изяславу, не погуби насъ и самъ не погибни, ты нашъ князь, когда будешь имѣть силу и мы присоединимся къ тебѣ, а теперь не твое время, уѣзжай лучше. Поѣди, княже прочь, говорятъ и Кіевляне, не смотря на энергическія слова Изяслава, совершенно напоминающія Святослава Игоревича: „луче братье измрѣмъ сде, нежели сесь соромъ возмемъ на ся. (Лѣтопись вообще хвалитъ мужество Изяслава, онъ, говоритъ она, былъ храбръ на рать), Кіевляне и черные клобуки бѣгутъ, бѣжать долженъ былъ и Изяславъ. Не успѣли Вячеславъ и Изяславъ вернуться въ

---

[1]) Почему Юрій, а потомъ Изяславъ такъ настоятельно завутъ Вячеслава въ Кіевъ? Популярности между Кіевлянами, какъ видно изъ приведеннаго факта, Вячеславъ не имѣлъ, нельзя слѣд. думать, чтобы Юрій, а тѣмъ болѣе популярный и любимый Кіевлянами князь Изяславъ прикрывались именемъ Вячеслава въ угоду Кіевлянамъ. Соловьевъ (II 169) говоритъ, что приглашеніемъ Вячеслва Изяславъ призналъ полное господство права по родовому старшинству, права дядей передъ сыновьями старшаго брата, право, противъ котораго ничего не могли сдѣлать ни личныя достоинства, ни уваженіе и любовь народа. Изяславъ менѣе, чѣмъ кто либо обращалъ вниманія на родовые счеты, поэтому если онъ и призывалъ въ Кіевъ, Вячеслава какъ старшаго въ родѣ, то лишь съ цѣлью противопоставить право Вячеслава праву Юрія, опираясь на которое тотъ требовалъ себѣ отчины Кіева. Вячеславъ былъ очень удобной ширмой, изъ за которой можно было орудовать совершенно самостоятельно; по родовымъ счетамъ Вячеславъ имѣлъ болѣе всѣхъ остальныхъ князей права на Кіевскій столъ, вотъ почему князья и стараются дѣйствовать отъ его имени; хотя народъ и не признавалъ для себя обязательными родовыхъ счетовъ князей, но позже понялъ, какъ удобно прикрываться именемъ Вячеслава противъ притязаній другихъ князей, искавшихъ Кіевскаго стола. Вотъ почему Кіевляне и говорятъ призванному ими Ростиславу „якоже и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, такоже и ты чести, а до твоего живота Кіевъ твой (Ип. 324). Вячеславъ притомъже довольствовался однимъ почетомъ, а въ управленіе не вмѣшивался; онъ самъ говоритъ Ростиславу: „се уже въ старости есмъ, а рядовъ всихъ не могу рядити... а се полкъ мой и дружина моя, ты, ряди“. (Ип. 324).

Кіевъ, какъ Юрій подступилъ къ нему и сталъ на той сторонѣ Днѣпра. Лѣтопись говоритъ, что „Кіяне мнози поѣхали в насадехъ къ Гюргеви, а друзии почаша в насадехъ дружину его перевозити на сю сторону в Подолье, Вячеславъ же съ Изяславомъ рекоста, видѣвша то: наю не веремя нынѣ есть“ (Ип. 280) и удалились отъ Кіева. Приведенному мѣсту лѣтописи, гдѣ Кіане сами перевозятъ дружину Юрія, противорѣчитъ слѣдующее за тѣмъ извѣстіе, что Кіевляне впустили Юрія въ Кіевъ только боясь Владимірка. Слѣдуетъ, кажется предположить, что Юрія перевозила только преданная ему партія, *мнози* Кіане, а не *вси* такъ говоритъ лѣтопись когда разсказываетъ о совокупномъ дѣйствіи всѣхъ Кіевлянъ.

И на этотъ разъ Изяславъ находитъ помощь у Угорскаго короля: 10000 воиновъ даетъ ему зять. Съ этимъ войскомъ Изяславъ идетъ къ Киеву „повабившемъ его мужемъ Вячеславлимъ и Берендѣемъ и Кианомъ (Ип. 284, Лавр. 312). На помощь Юрію идетъ Владимірко, узнаетъ объ этомъ дружина Изяслава и указываетъ ему на трудность борьбы (много ти тяжка, се стоишь к рати пришедъ, а сѣмо идеши на Гюрга, а се рать за тобою Володимеръ, ты поидеши на Гюргя, а си скупившеся по тобѣ идуть, а трудно ны вельми, Изяславъ же рече дружинѣ своей: вы есте по мнѣ из Рускые земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизней лишився, а язъ паки своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти, но любо голову свою сложю, паки отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь— Ип. 284). О какой здѣсь говорится дружинѣ? Слѣдуетъ-ли здѣсь понимать собственно княжескую дружину, или же Кіевлянъ, перебѣжавшихъ къ Изяславу?). Далѣе лѣтопись говоритъ, что Изяславъ, услышавъ, что на него идетъ Владимірко, пошелъ къ нему на встрѣчу—встрѣтились у р. Уши, отъ взятаго въ плѣнъ галичанина Изяславъ узнаетъ, что Владимірко стоитъ за лѣсомъ. Изяславу хотѣлось идти на Владимірко, но дружина говоритъ ему; „княже, нельзѣ ти поити на нь..... нынѣ же того, княже, не прави, но поѣди Киеву своей дружинѣ, а что ты будешь на Тетереви, а ту къ тобѣ дружина твоя вси приѣдуть, а что ти Богъ дасть и до Бѣлагорода доидеши передъ нимъ (Юріемъ), а болѣ дружины къ тобѣ приѣдеть, а больши ти сила“....

Дѣйствительно, когда Изяславъ послушалъ дружины и пошелъ къ

Мичьску, тутъ встрѣтили его „дружина многое множьство, иже сѣдяхуть на Тетереви“ (Ип. 286)[1]).

Изяславъ съ подоспѣвшими силами идетъ къ Воздвиженью (Мичане сами признали его княземъ), и тутъ на военномъ совѣтѣ Изяславъ предлагаетъ одно изъ двухъ: или ожидать на мѣстѣ Владимірка или идти къ Кіеву, послѣднее говоритъ онъ гораздо удобнѣе, такъ какъ „оже ны будеть лзѣ на Бѣлгородъ въѣхати, то Гюрги готовъ предъ нами бѣгать, а мы поѣдемъ въ свой Киевъ а *въ сильный полкъ въ Киевскій*, аже въѣдемъ въ нѣ, то азъ вѣде, *ти ся за мя бьють*, паки ны нѣлзѣ будеть поѣхати на Бѣлгородъ, а въ черный клубукъ въѣдемъ и с пими ся скупимъ, то надѣемъся на Бога, то не боимъся Гюргя пи Володимірка“ (Ип. 287).

Брата своего Володиміра Изяславъ посылаетъ напередъ къ Бѣлгороду (самъ пошелъ также за нимъ). Владиміру удалось совершенно врасплохъ напасть на Бориса Юрьевича, сидѣвшаго тогда въ Бѣлгородѣ, самъ князь чуть не попался въ плѣнъ. Бѣлгородцы вышли къ Владиміру: „княже, поѣди, Борисъ ти побѣжалъ“, Изяславъ соединился съ Владиміромъ и оба вмѣстѣ пошли къ Кіеву, Юрій долженъ былъ бѣжать (не може собѣ ничимъ же помочи, говоритъ Ипатская лѣтопись; Лаврентьевская объясняетъ бѣгство Юрія—*убоявся Кіянъ, за не имьютъ перевѣтъ къ Изяславу*.

Такимъ образ. Изяславъ снова занимаетъ Кіевъ. „Кияне же услышавши Изяслава, придоша противу ему с радостью. Изяславъ задаетъ обѣдъ Угрямъ, на который зоветъ и Кіянъ. (288). Усѣвшись въ Кіевѣ, Изяславъ зоветъ снова въ Кіевъ Вячеслава, снова празднество, обѣдъ всѣмъ Кіанамъ и Угорской дружинѣ. Угровъ отсылаютъ домой въ сопровожденіи сына Изяслава—Мстислава, которому поручено разсказать королю, „како ны Богъ помогъ намь, како ся по насъ *яла Русская земля вся и Черніи Клобуци*“, и поблагодарить короля.

Юрій, призвавши Половцевъ, снова идетъ на Кіевъ. Происходитъ осада Кіева, чрезвычайно подробно описанная въ лѣтописи (подробности важны для топографіи города), Кіяне и Черніи Клобуци дѣятельно помогаютъ Изяславу. Особенную преданность высказываютъ

---

[1]) Это мѣсто лѣтописи довольно темно; предполагаютъ общинныя поселенія по Тетереву.

Чернии Клобуци. „Хочемъ же говорятъ они, за отца вашего за Вячеслава, и за тя и за брата твоего Ростислава и за всю братью и голови свое сложити да любо честь вашю налѣземъ, пакы ли хочемъ с вами ту измерети [1]) (Ип. 295). Кіевъ отстояли. Юрій долженъ былъ отступить. Онъ пытался было взять Бѣлгородъ „вы есте люди мои а отворите ми градъ, Бѣлогородци же рекоша: а Киевъ ти ся кое отворилъ, а князь нашъ Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ [2]).

Изяславъ съ братьей пошелъ вслѣдъ за Юрьемъ. Кіевляне такъ ревностно стоятъ за Изяслава, что, выступая изъ города, восклицаютъ: „ать же поидуть вси како можеть и хлудъ в руци взяти, пакы ли хто не поидеть намъ же и дай ать мы сами побьемы. Ип. 300.

Враги встрѣтились на Рутѣ и Юрій былъ разбитъ.

1152 г. Кіевскій князь Изяславъ собирается вмѣстѣ съ Угорскимъ королемъ на постояннаго союзника Юрія, Владимірка Галицкаго „и поиде поима с собою Вячеславль полкъ всь и вси Чернии Клобуки и Кияны лутчіи и всю Рускую дружину“ Ип. 308. Извѣстенъ исходъ этой борьбы. Владимірко былъ побѣжденъ, по просьбѣ короля, (совѣтниковъ котораго Владимірко подкупилъ), Изяславъ далъ ему миръ, но Владимірко не исполнилъ договора, насмѣявшись при томъ надъ крестнымъ цѣлованіемъ. Но въ тотъ же день, говоритъ лѣтопись, онъ умеръ. Въ послѣдній годъ своего княженія (1153), Изяславъ ходилъ еще на сына Владимірка—Ярослава.

1154 г. умираетъ Изяславъ „и плака ся по немъ вся Руская земля и вси Чернии Клобуци и яко по цари и господинѣ своемъ наипаче же яко по отци“. (Ип. 323).

Услышавъ о смерти Изяслава Мстиславича, въ Кіевъ пытался было войти Изяславъ Давидовичъ, подъ предлогамъ поклониться праху Изяслава, но Вячеславъ не пустилъ его въ Кіевъ. Ожидали на Кіевскій столъ Ростислава Мстиславича. Когда онъ пришелъ изъ Смоленска, Кіяне вышли къ нему съ радостью и „тако быша ему ради вси

---

[1]) Это не помѣшало имъ буйствовать и грабить Кіевъ, такъ что ихъ самихъ нужно было усмирять; (Ип. 296) „и монастыри оторгоша и села пожгоша и огороды вси посѣкоша“.

[2]) Слова Бѣлгородцевъ указываютъ на тяготеніе города къ пригороду, на зависимость его рѣшеній отъ рѣшенія старшаго города. Вообще антагонизма между городомъ и пригородами въ Кіевской землѣ незамѣтно.

и вся Руская земли и вси Чернии Клобуци обрадовашася оже Ростиславъ пришелъ въ Кіевъ.... и посадиша в Киевѣ Ростислава Киане, рекуче ему: „яко же и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Кіевъ твой“ Ип. 324 [1]).

Въ томъ же 1154 г. умираетъ и Вячеславъ. Ростиславъ стоялъ тогда у Вышгорода, собираясь на Изяслава Черниговскаго, союзника Юрія (съ нимъ были Торки и Кіяне). Услышавъ о смерти Вячеслава, онъ вернулся въ Кіевъ и, похоронивши дядю, вернулси къ войску съ тѣмъ, чтобы идти на Черниговъ. „Мужи же боропяхуть ему поити Чернигову, рекучи ему „се Богъ поялъ стрыя твоего Вячеслава, а ты ся еще с людми Киевѣ ие утвердилъ, а поѣди лѣпле в Киевъ, же с людми утвердися, да аче стрый придеть на тя Дюрги, поне ты ся с людьми утвердилъ будеши, годно ти ся с нимъ умирити, умиришися, паки ли а рать зачнешь с нимъ (Ип. 326)“.

Что слѣдуетъ здѣсь понимать подъ утвержденіемъ Ростислава съ Кіевлянами? Вѣдь договоръ между ними состоялся раньше, когда Кіевляне объявили Ростиславу, что, „до твоего живота Кіевъ твой“. Вѣроятно, дружина совѣтуетъ Ростиславу условиться съ Кіевлянами насчетъ помощи противъ Юрія, который не преминетъ предъявить свои права на Кіевскій столъ, услышавъ о смерти Вячеслава. Дружина, въ числѣ которой были конечно старые дружинники Изяслава, помнила неохотность, съ которой Кіевляне сражались противъ Мономаховича—Юрія, помнила ихъ слова „на Владимірово племя не можемъ поднять руки“, совѣтывали слѣд. Ростиславу узнать отъ Кіанъ, стануть ли они за него противъ Юрія. Ростиславъ не послушалъ совѣта дружины и пошелъ прямо на Черниговъ, встрѣтились на Боловесѣ, тутъ Ростиславъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Смоленскъ. Изяславъ Черниговскій посылаетъ тогда къ Кіевлянамъ „хочю к вамъ поѣхати“. Они же боячеся Половець, зане тогды тяжко бяше Кіяномъ, не осталъ бо ся бяше у нихъ ни одинъ князь у Киевѣ, и послаша Кияне епископа Демьяна Каневскаго, рекуче; поеди Киеву, ать не возмуть насъ Половци, ты еси нашь князь, а поѣди (Ип. 327). Не долго усидѣлъ Изяславъ въ Киевѣ, въ слѣд. 1155 году Юрій идетъ въ Русь и шлетъ

---

[1]) Очевидно, Кіевляне послали къ Ростиславу извѣщеніе о смерти Изяслава и приглашеніе на Кіевскій столъ.

къ Изяславу: „мнѣ отчина Киевъ, а не тебѣ; „ци самъ есмь ѣхалъ Киевѣ, оправдывается Изяславъ, посадили мя Киане, а не створи ми пакости, а се твой Киевъ. Юрій въ который разъ занимаетъ Киевъ „и прия его с радостью вся земля Руская". (Ип. 329)[1]).

Краткое княженіе Юрія въ Кіевѣ не представляетъ для насъ ничего особенно интереснаго, оно все прошло въ войнахъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ (неуспѣшныхъ) и съ Половцами. Въ 1158 г. на Юрія собрался идти въ союзѣ съ Мстиславомъ Изяславичемъ Изяславъ Давыдовичь, но въ тотъ самый день какъ Изяславъ Давыдовичь собирался выступить въ походъ, пріѣхали къ нему Кіане „поѣди, княже Киеву, Гюрги ти умерлъ". Кіане не любили Юрія, послѣ смерти его происходить грабежъ его имѣнія и избіеніе Суздальцевъ (обыкновеннное въ Кіевѣ явленіе по смерти нелюбимаго князя). Ип. 336. „И много зла створися въ тъ день: разграбиша дворъ его красный, и другый дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, его же звашеть самъ раемъ, и Василковъ дворъ сына его разграбиша в городѣ, избивахуть Суждалци по городомъ и по селомъ; а товаръ ихъ грабяче". Очевидно Юрій не съумѣлъ воспользоваться обаяніемъ, которое онъ производилъ на Кіевлянъ, какъ сынъ популярнѣйшаго изъ князей, Владиміра Мономаха, и пытался ввести въ Кіевскую землю суздальскіе порядки. Если Суздальцы сидѣли по городамъ и селамъ, то ясно, что Юрій не довѣрялъ Кіевлянамъ и старался держаться Суздальской силой, а Суздальцы, конечно, смотрѣли на Кіевскую землю, какъ на покоренную страну.

Не долго усидѣлъ въ Кіевѣ Изяславъ Давыдовичь; во время похода его на Галичь (изъ-за Ивана Берладника) Мстиславъ Изяславичь, Владиміръ и Ярославъ пошли на Кіевъ; Изяславъ спѣшитъ туда, но Мстиславъ успѣлъ уже затвориться въ Бѣлгородѣ (вѣроятно, Бѣлгородци сами отворили ему ворота). Дѣло въ пользу Мстислава рѣшила измѣна Берендѣевъ (часть ихъ была съ Мстиславомъ въ Бѣлгородѣ, т. к. лѣтопись говоритъ: бысть же лесть въ Берендичихъ: творяхуть бо ся бить пріѣздяче к городу, а *снишиваxуться тѣчьми межи собою*. (Ип. 343). Замѣчательно условіе, на которомъ Берендѣи обѣщаютъ

---

[1]) Мы видимъ здѣсь опять, какъ необходимъ народу князь—предводитель.

Мстиславу свою помощь „иди у Бѣлъгородъ къ Мстиславу, говорятъ они своему посланцу, и молви ему тако: в насъ ти есть, княже, и добро и зло; аже ны хощеши любить, якоже ны есть любилъ отецъ твой *и по городу ны даси по лепшему*, то мы на томъ отступимъ отъ Изяслава (Ип. 344).

Мстиславъ согласенъ на ихъ преложеніе, посылаетъ къ нимъ Олбыря Шерешевича (вѣроятно, одинъ изъ бывшихъ съ нимъ Берендѣевъ) „и яся имъ во всю волю ихъ и ротѣ к нимъ ходи". Обезсиленный этой измѣной, Изяславъ бѣжитъ въ Черниговскую область, въ которой онъ, какъ видно изъ словъ Святослава Ольговича, сохранилъ многія земли. Мстиславъ занимаетъ Кіевъ и зоветъ на Кіевскій столъ Ростислава Мстиславича изъ Смоленска. Ростиславъ приходитъ въ Кіевъ „и срѣтоша вси людие и множество народа, прияша и людие с достохвальною честью... и бысть людемъ двоя радость, и воскресеніе Господне и княже сѣденне".

Хотя лѣтопись и не говоритъ, было ли у Мстислава совѣщаніе съ Кіевлянами относительно приглашенія Ростислава, но едва-ли можно сомнѣваться въ существованіи такого соглашенія.

Ростиславъ ладилъ сначала съ черниговскимъ княземъ Святославомъ Ольговичемъ; онъ взялъ у Святослава въ заложники сына Всеволода „увѣряя Кияны и Берендѣѣ, бяху бо не вѣрующе за свое съгрѣшение" (Ип. 347); но затѣмъ Святославъ ссорится съ Ростиславомъ. Однако Святославъ держитъ нейтралитетъ въ наступившей борьбѣ между Изяславомъ и Ростиславомъ. Изяславъ осаждаетъ Кіевъ, у Ростислава было мало войскъ, а Берендѣи еще не успѣли къ нему присоединиться, онъ отступаетъ къ Бѣлгороду, а Изяславъ занимастъ Кіевъ и „всимъ дасть прощение Кианомъ, ихъ же бяху изоимали (Ип. 353). Эти слова намекаютъ на то, что Кіевляне дѣйствовали противъ него въ борьбѣ съ Мстиславомъ.

Между тѣмъ на помощь Ростиславу явился Мстиславъ изъ Владиміра, пришли и Черные Клобуки, Изяславъ, осаждавшій Бѣлгородъ, бѣжалъ, былъ настигнуть и убитъ. Так. обр. Ростиславъ снова сѣлъ въ Киевѣ. Онъ умеръ въ 1168 г. на возвратномъ пути изъ Новгорода, куда ѣздилъ по поводу неудовольствій, возникшихъ между сыномъ его Святославомъ и Новгородцами. На Кіевскій столъ князья Владиміръ Мстиславичь, Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи зовутъ Мстислава „и Киане отъ себѣ послаша, Черныи Клобуки отъ себѣ послаша". На пути Мстислава

къ Кіеву у Микулина къ нему пришли Черные Клобуки и присягнули ему (води ѣ роти). Былъ слухъ что Ростиславичи и Владиміръ Мстиславичь хотятъ сами распорядится волостями Мстислава (Берестье, Торцькій и Владиміръ), Мстиславъ посылаетъ напередъ къ Кіеву брата Ярополка, а самъ идетъ вслѣдъ за нимъ съ Ляхами и Галицкой помощью. Ярополкъ настигъ Владиміра Мстиславича, шедшаго къ Вышгороду, но Берендѣи не захотѣли с нимъ биться „бяху бо Берендичи льстяче, прибавляетъ лѣтопись (Ип. 365). Подоспѣлъ Мстиславъ,—ту выидоша Кияне вси, Мстиславъ *възма рядъ съ братьею и съ дружиною и с Кияны* (ib.) Мстиславъ осаждаетъ Вышгородъ, но дѣло. пошло на мировую, и князья цѣлуютъ другъ другу крестъ. Распри однако поднимались не разъ, особенно много хлопотъ причинялъ Мстиславу Владиміръ Мстиславичь, заводившій сношенія съ Берендѣями; впрочемъ и Берендѣи оставили Владиміра, увидѣвъ, что онъ совершенно одинокъ,—даже дружина не захотѣла раздѣлять его плановъ, такъ какъ онъ съ нею напередъ не посовѣтывался (Ип. 367).

Въ томъ же году (1168 по Лавр., по Ип. 1170; Карамзинъ относитъ взятіе Кіева Суздальскою ратью къ 1169 г. Ист. Госуд. Рос. т. II прим. 424), начались неудовольствія между Андрѣемъ Суздальскимъ и Мстиславомъ. Ип. говоритъ только. „В то же веремя бѣ Андрѣй Гюргевичь в Суждали княжа, и тъ бѣ не имѣя любьви къ Мстиславу „(Ип. 371), но точнѣе не опредѣляетъ причинъ размолвки. (То, что Мстиславъ посадилъ у Новгородцевъ, по ихъ просьбѣ, сына Романа, было, кажется, только одною изъ причинъ неудовольствія Андрѣя на Мстислава „и *большая вражда* бысть на Мьстислава отъ братьѣ). Андрѣй шлетъ на Кіевъ громадную рать, 11 князей съ своими дружинами учавствовали въ этомъ походѣ. Мстиславъ не могъ удержаться въ Кіевѣ, притомъ же Черные Клобуки измѣнили ему („Берендѣи же и Торци льстяху подъ Мьстиславомъ“). (Ип. 372) Мстиславъ бѣжитъ, Кіевъ взятъ союзными войсками и страшно разграбленъ „Взятъ же бысть Киевъ мѣсяца марта въ 8, въ второѣ недѣли поста въ середу и грабиша за 2 дни весь городъ, Подолье и Гору, и манастыри и Софью, и Десятиньную Богородицю, и не бысть помилованія никому же ниоткуда же, церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемомъ, другымъ вяжемымъ, жены ведоми быша въ плѣнъ, разлучаеми нужею отъ мужий своихъ, младенци рыдаху зряще материй своихъ; и взяша имѣнья множьство, и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами, и коло-

колы изнесоша всѣ Смолняне и Суждалци и Черниговци, и Олгова дружина, и вся святыни взята бысть; зажьженъ бысть и манастырь Печерьскый святыя Богородица отъ поганыхъ, но Богъ молитвами святыя Богородица съблюде и отъ таковыя нужа; и бысть в Киевѣ на всихъ человѣцехъ стенание и туга, и скорбь неутѣшимая, и слезы непрѣставьныя. Си же вся сдѣяшася грѣхъ ради нашихъ". (Ип. 373).

Это былъ самый страшный, смертельный ударъ Кіеву, послѣ котораго онъ уже не оправлялся. „И отселе говоритъ Густ. лѣтопись (П. С. Л. II 311) впаде княженіе Кіевское, а Володымерское въ Москвѣ вознесеся, оттоли бо Московскіе князи надъ Кіевскими начаша владѣти, донели же Литовскіе князи взяли во свою власть".

Съ этого момента о вѣчѣ съ политическимъ значеніемъ нечего и говорить; вѣче имѣло значеніе, жило активной жизнью, пока оно имѣло силу, потерялъ Кіевъ силу подъ нещадными ударами враговъ, погибло и вѣче, какъ сила политическая; осталось конечно вѣче такъ сказать внутреннее, т. е. самоуправленіе общины въ сферѣ экономической и административной, но судить объ этой сторонѣ вѣча невозможно по крайне скуднымъ (исключительно внѣшняго политическаго характера) лѣтописнымъ даннымъ, которыя мы имѣемъ о Кіевѣ за періодъ конца XII и начала XIII ст.; сохранившіяся въ лѣтописи (преимущ. Густинской) данныя о Кіевѣ доказываютъ слабость и безотвѣтность Кіевлянъ; прошло то время, когда князья заискивали сильныхъ Кіевлянъ, желая заслужить ихъ расположеніе и получить приглашеніе на Кіевскій столъ, могучій князь сѣвера распоряжается теперь старымъ Кіевомъ, который уважали Мономахъ и Мстиславъ.

Въ 1174 г. Андрей шлетъ новое, еще болѣе грозное ополченіе на Ростиславичей; послѣдніе уже не затворяются въ Кіевѣ а идутъ по пригородамъ. Мало того, Кіевляне принуждены помогать врагамъ Русской земли противъ своихъ же князей. „Святославъ же съ братьею и Михалко съ братомъ съ Всеволодомъ и со сыновци и Кияны совокупивше и Берендѣичѣ и Поросье и всю Русскую землю, полкы поидоша отъ Кыева к Вышегороду, (гдѣ затворился Мстиславъ) (Ип. 391).

И въ томъ же году, еще не оправившись отъ незванныхъ гостей, Кіевъ снова терпитъ раззореніе отъ своего же князя: Ростиславичи отстояли Русскую землю, суздальская рать со страхомъ бѣжала домой, въ Кіевѣ Ростиславичи посадилъ Ярослава Луцкаго. Черниговскій Святославъ, раскоторавшійся съ нимъ изъ за волостей, идетъ на Кіевъ,

грабитъ его и уходитъ, захвативши жену и сына Ярослава; вернулся бѣжавшій при приближеніи Святослава Ярославъ „и замысли тяготу Кыяномъ, река „подъвели есте вы на мя Святослава, промышляйте, чимъ выкупити княгиню и дѣтя. Онѣмъ же не умѣющимъ что отвѣчати ему, и попрода всь Кыевъ, игумены и попы и черньцѣ и черницѣ, Латину и гостѣ и затвори всѣ Кыяны". (Ип. 393)[1]).

1177 г. сидѣлъ въ Кіевѣ Романъ Ростиславичь; черниговскій Святославъ, повздоривъ съ нимъ изъ за Давыда идетъ на Кіевъ; пріѣхалъ онъ къ Витичеву, и тутъ явились къ нему Черные Клобуки и Кіане, рекуче „уже Романъ шелъ къ Бѣлугороду (Ип. 409). Кіевляне не думаютъ даже бороться за Романа противъ того Святослава, который такъ недавно пограбилъ Кіевъ, а сами напротивъ предупреждаютъ его о дѣйствіяхъ своего князя.

1202 г. въ Кіевѣ сидѣлъ Рюрикъ Ростиславичь; онъ собирается идти на Романа Мстиславича Галицкаго, но Романъ опередилъ его и подступилъ къ Киеву. „Кіяне же отверзоша ему врата въ Подоліи, въ Копыревомъ концѣ, и пустиша его во градъ (Густ. 328). Рюрикъ долженъ былъ оставить Кіевъ; но въ слѣдующемъ году онъ подступаетъ съ половецкой помощью и Ольговичами къ Кіеву, гдѣ сидѣлъ намѣстникъ Романа Ингварь Ярославичь, беретъ Кіевъ приступомъ и грабитъ его въ конецъ. „Сіе же взятіе и плѣненіе Кіева злѣйшее бѣ паче всихъ прежнихъ плѣненій: не токмо бо пограбиша въ немъ обрѣтающаяся тогды, связаны въ плѣненіе поведоша люди, и градъ и святую Софію, и вся монастыри огнемъ пожгоша". (Густ. 328). Всѣ эти удары до того обезсилили Кіевское земство, что оно съ тѣхъ поръ ничѣмъ не проявляетъ своей жизни и пассивно подчиняется каждому князю, которому силой или случаемъ удалось завладѣть Кіевскимъ сто-

---

[1]) Въ Лавр. „и затворы, и гости, и всѣ Кыяны, и много зла створивъ поиде Чернигову (Лавр. 348). Въ Густ. (П. С. Л. II 315). „Ярославъ многая насилія Кіевляномъ творяше, да слагаются на окупъ княгини его". Проф. Голубинскій въ Исторіи Русской Церкви 2-ая половина I-го тома стр. 546 пр. 1-ое объясняетъ „затворы" кельями монаховъ—затворниковъ и для этого дѣлаетъ перестановку въ текстѣ лѣтописи: „черницы затворы, латину и гости". Едва ли такое объясненіе удачно, скорѣе можно думать (держась порядка словъ въ лѣтописномъ текстѣ), что затворы здѣсь означаютъ склады товаровъ.

ломъ. До чего переходъ Кіевскаго стола отъ одного князя къ другому былъ теперь обусловленъ исключительно военной удачей, доказываетъ мѣсто Густ. лѣтописи подъ 1236 г. (Густ. 338). „Князи мнози на Кіевѣ въ семъ лѣтѣ“ такъ озаглавливаетъ лѣтопись разсказъ о Кіевскихъ событіяхъ этого года: Ярославъ Всеволодовичъ (братъ Юрія Московскаго) выгналъ изъ Кіева Изяслава Мстиславича, приходитъ Владиміръ Рюриковичъ, прогоняетъ Ярослава, появляется затѣмъ Михаилъ Всеволодичъ Черниговскій и изгоняетъ Владиміра Рюриковича.

III.

Историческія обстоятельства опредѣляютъ характеръ Кіевскаго вѣча и объемъ его правъ. Кіевская земля съ древнѣйшихъ временъ представляла самоуправлявшуюся общину съ земскимъ выборнымъ княземъ во главѣ; единственное ограниченіе выбора было избраніе изъ одной княжеской семьи, причемъ родовые счеты ея не принимались народомъ во вниманіе. Въ народѣ существовалъ совершенно ясный и правильный взглядъ на назначеніе князя: это земскій чиновникъ, избранный для исполненія тѣхъ обязанностей, которыя считались спеціальностью княжеской семьи—военачальства и суда. Недовольный дѣятельностью своего князя, народъ показываетъ ему путь отъ себя, т. е. изгоняетъ, а на мѣсто его приглашаетъ другаго изъ того же княжескаго рода, такъ какъ авторитетомъ въ военномъ и судебномъ дѣлѣ (это видно изъ многихъ мѣстъ лѣтописи) пользовался преимущественно князь. Новгородская исторія представляетъ намъ примѣръ наглядно и ярко рисующій народный взглядъ на значеніе князя: 1136 г. Новгородцы изгоняютъ князя Всеволода Мстиславича и ставятъ ему 4 вины, 1) пренебреженіе интересами простаго народа (не блюдетъ смердъ), 2) желаніе покинуть Новгородъ для другаго удѣла, 3) трусость (ѣхалъ еси съ плку переди у всѣхъ), 4) неустойчивость въ политикѣ (а на то много початыи, велевъ ны, рече, къ Всеволоду приступити, а пакы отступити велить. (H_1 7). Но тоже самое въ Кіевѣ,—Изяслава изгоняютъ Кіевляне, какъ плохаго военачальника: онъ не защитилъ земли отъ Половцевъ и не хотѣлъ почему-то, вопреки желанію Кіевлянъ, продолжать борьбы съ этимъ непріятелемъ. Причиной неудовольствія противъ Всеволода Ярославича было то, что онъ не самъ судилъ, а поручалъ судъ пристрастнымъ тіунамъ („и начаша людіе не доходити

княжее правды"); тоже обвиненіе слышится въ словахъ Кіевлянъ, сказанныхъ ими Игорю: Ратша ны погуби Киевъ а Тудоръ Вышегородъ, а нынѣ.... аще кому насъ будеть обида, то ты прави".

Итакъ первое, главное право вѣчѣ—призваніе князя и изгнаніе его. Но что же мы видимъ въ Кіевскомъ вѣча? О призваніи повидимому нѣтъ и рѣчи въ его исторіи до Владиміра Мономаха или пожалуй до Всеслава Полоцкаго. Послѣ Игоря княжитъ сынъ его Святославъ, послѣ Святослава старшій сынъ его Ярополкъ, потомъ Кіевскимъ столомъ овладѣваетъ Владиміръ, послѣ него садится въ Кіевѣ, не встрѣчая возраженія Святополкъ, Святополка изгоняетъ Ярославъ, старшій сынъ Ярослава, Изяславъ княжитъ послѣ него, затѣмъ столъ переходитъ по родовому старѣйшинству къ его брату Всеволоду, а по смерти Всеволода княжитъ Святополкъ Изяславичь. Гдѣ же тутъ народное право избранія князя? Родовые счеты князей, повидимому исключительно опредѣляютъ порядокъ наслѣдованія Кіевскаго стола. Такимъ представляется вопросъ о замѣщеніи Кіевскаго стола на первый взглядъ, но вопросъ получаетъ совершенно иное освѣщеніе при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи.

Послѣ Игоря княжитъ жена Ольга, потомъ сынъ Святославъ, но разъ установился обычай ограничивать выборъ исключительно членами княжеской семьи, иначе и быть не могло; по смерти Игоря другихъ членовъ княжеской семьи, кромѣ Ольги и Святослава, не было. По смерти Святослава въ Кіевѣ садится Ярополкъ, но онъ былъ единственный князь, на которомъ могли остановиться Кіевляне. Владиміръ сидѣлъ въ далекомъ Новгородѣ и былъ еще юнъ, Олегъ въ недавно покоренной Древлянской землѣ; особенными дарованіями, которыя бы могли направить выборъ Кіевлянъ на одного изъ двухъ, Олега или Ярополка, ни тотъ ни другой не отличался. Ярополкъ убиваетъ Олега; Владиміръ—Ярополка и занимаетъ Новгородскою и Варяжскою силой Кіевъ, притомъ по смерти Ярополка Владиміръ остается единственнымъ представителемъ княжеской семьи. Характеръ замѣщенія Кіевскаго стола отъ смерти Владиміра до вокняженія Владиміра Мономаха разобрано выше.

Такимъ образомъ оказывается, что народное право выбора князя не могло проявиться въ первый періодъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) по малочисленности княжеской семьи, которая имѣла иногда всего одного представителя, 2) при нѣсколькихъ представителяхъ—по отсутствію вы-

дающихъ личностей, на которыхъ бы могло остановиться народное вниманіе 3) князь водворяется нерѣдко въ Кіевѣ съ помощью чужой силы (Владиміръ, Ярославъ). Право призванія сквозитъ черезъ весь удѣльный періодъ, если оно не всегда такъ ясно, какъ въ XII ст., то виной тому указанныя обстоятельства.

Произвольный характеръ княжеской власти первыхъ временъ нашей исторіи совершенно вѣрно намѣченъ Костомаровымъ. („Начало единодержавія въ древней Руси"), но такою княжеская власть могла быть только по отношенію къ подчиненнымъ племенамъ.

Начальная наша лѣтопись есть ничто иное какъ исторія возвышенія Полянской общины подчиненіемъ себѣ большинства сосѣднихъ славянскихъ племенъ. При малочисленности княжеской дружины (едвали князь имѣлъ когда и 1000 человѣкъ собственной дружины,—Святополкъ Изяславичь хвастался, что у него своихъ 800 отроковъ, а это была, вѣроятно, соединенная Кіевская и Туровская дружина), завоеваніе могло совершаться только при помощи земскаго ополченія т. е. завоевателемъ являлся весь народъ. Если при такихъ условіяхъ у насъ не могло развиться дружинное сословіе, то значеніе и сила вѣча —народной воли, должно было расти. Между тѣмъ въ Полянской общинѣ мы видимъ какъ бы совершенно обратный порядокъ вещей; въ первый періодъ, періодъ князей завоевателей (Олегъ, Игорь, Святославъ), мы не видимъ участія Полянской общины въ рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ—войну и миръ, внѣшнія сношенія рѣшаетъ одинъ князь, не спрашивая согласія общины.

Но не говоря уже о скудости лѣтописныхъ данныхъ во всемъ, что касается внутренней жизни за этотъ періодъ, присмотримся ближе къ характеру дѣятельности княжеской власти за это время. Князь дѣйствительно рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ самостоятельно, но это зависитъ отъ характера войнъ, которыя онъ ведетъ. Князь объявляетъ походъ и зоветъ охотниковъ, къ нему сходится вольница, добрые молодцы изъ разныхъ земель, въ надеждѣ вернуться съ богатой добычей. При такихъ условіяхъ вѣчу нечего было претендовать на то, что князь дѣйствуетъ безъ его предварительнаго согласія. Тоже самое было и позже, когда грабительскіе набѣги на далекія земли прекратились, когда каждая земля стала имѣть своего князя; князья нуждаются въ помощи земства другъ противъ друга, поэтому, они обращаются къ вѣчу и просятъ его дать имъ земское ополченіе, но если земство отка-

зываетъ, у нихъ остается прежній способъ звать охотниковъ, и вѣче не видитъ въ этомъ нарушенія своихъ правъ, не считаетъ, что князь дѣйствуетъ вопреки его рѣшенію.

Такимъ образомъ далекіе походы съ цѣлью грабежа были частными дѣлами князей и охотниковъ, земства они непосредственно не касались, и потому оно и не предъявляетъ тутъ своихъ правъ. Но если эти походы давали результаты, имѣвшіе отношеніе къ земству, то безъ его вѣдома дѣло не могло рѣшаться. Такіе случаи мы видимъ въ договорахъ Олега и Игоря; походы этихъ князей кончились торговыми договорами, въ торговлѣ было заинтересовано все земство, и вотъ договоръ Олега заключается „похотеньемъ нашихъ князь и по повелѣнію, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его *сущихъ Руси* (Договоръ Олега, Ип. 19). Еще яснѣе участіе земства въ договорѣ Игоря" мы послании отъ Игоря, великаго князя Рускаго, и отъ всея княжья и *отъ всѣхъ людий Руское земли* (Ип. 29).

Чѣмъ больше князь занимался войнами, чѣмъ больше слѣд. „князь былъ самъ по себѣ, а народъ самъ по себѣ" (по замѣчанію Бѣляева), тѣмъ большей свободой (при полномъ отсутствіи государственной власти у князя) пользовалась община въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Разсказъ о Бѣлгородскомъ вѣчѣ ясно показываетъ, что городская община управлялась собственными старѣйшинами и вѣчемъ, безъ всякаго участія княжескихъ чиновниковъ. Нѣкоторая централизація, порученіе управленія городомъ, или скорѣе отдѣльными частями управленія (напр. судъ) княжескимъ чиновникамъ начинается позже, со введеніемъ христіанства и проникновеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ Византійскихъ идей.

Итакъ автономія князя отъ общины касалась лишь его личныхъ частныхъ дѣлъ, но лишь только дѣло шло о вопросахъ; касавшихся общины, согласіе земства было необходимо. Такъ Владиміръ, первый болѣе другихъ (особенно въ послѣдней половинѣ своего княженія) осѣвшій князь, ведетъ внѣшнія войны повидимому безъ всякаго согласія земства, но въ вопросахъ общеземскихъ—объ общенародной жертвѣ, о перемѣнѣ религіи, о вирахъ, онъ обращается къ вѣчу (старци) и буквально слѣдуетъ его рѣшенію.

Въ XII ст. исчезли нѣкоторыя причины, мѣшавшія проявленію народнаго права избранія, почти каждый князь со времени Владиміра Мономаха князь призванный, кромѣ тѣхъ случаевъ когда Кіевъ захватываютъ силой. Приглашая князя Кіевляне заключаютъ съ нимъ

рядъ, но точной формулировки условій, на которыхъ приглашался князь, не было, они, вѣроятно, предполагались общеизвѣстными, а такъ какъ приглашали князя излюбленнаго, то вѣрили въ честное соблюденіе имъ обычая.

Однако у князей мы начинаемъ замѣчать нѣкоторую склонность къ централизаціи: по пригородамъ садятъ родственниковъ или намѣстниковъ изъ дружины, судъ отправляютъ княжіе тіуны. Вліяніе князя и его чиновниковъ начинаетъ сказываться въ народной жизни не всегда благодѣтельно, является необходимость точнѣе отграничить народныя права отъ правъ княжескихъ; но ничего подобнаго сознательному стремленію западно-европейскихъ коммунъ или вольнолюбиваго Новгорода къ строгому опредѣленію взаимныхъ отношеній мы не замѣчаемъ въ Кіевскомъ вѣчѣ. Въ его исторіи очень мало активнаго движенія, слишкомъ много пассивнаго подчиненія данному теченію вещей. Что злоупотребленія въ судебной сферѣ были, это ясно изъ дѣла 1146 года. Что же Кіевляне, стараются ли они напередъ оградить себя отъ повторенія въ будущемъ систематическаго грабежа княжихъ чиновниковъ? Да, но совершенно иначе нежели въ западныхъ общинахъ и Новгородѣ: тамъ поняли, что единственное вѣрное средство предохранить себя отъ злоупотребленій власти—право контроля надъ ея дѣйствіями, такимъ образомъ въ Новгородѣ на ряду съ княжьими чиновниками—судьями появляются выборные судьи отъ народа. Рядомъ съ княземъ—судьей является народный судья—посадникъ (а безъ посадника ти княже, не судити). Въ Кіевѣ дѣло рѣшается совсѣмъ иначе; недовольные злоупотребленіями княжескихъ чиновниковъ, Кіевляне требуютъ, чтобы судилъ самъ князь. Очевидно Кіевляне не стараются установить болѣе прочныхъ отношеній къ княжеской власти, нежели тѣ, которыя обусловлены были личностью князя. Одной изъ причинъ такого довѣрчиваго отношенія къ князю было, кажется, то обстоятельство, что Кіевляне не прошли черезъ суровую школу—они были, такъ сказать, избалованы хорошими князьями; время Мономаховичей наступило какъ разъ къ тому времени, когда явилась возможность мѣнять князей и вступать съ ними въ договоры, любовь къ Мономаховичамъ, дѣйствительно князьямъ—демократамъ, укрѣпила въ Кіевлянахъ довѣріе къ княжеской власти.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ Кіевское вѣче не выработалось въ строгое учрежденіе съ постоянными собраніями, опредѣленнымъ

кругомъ дѣйствій. Сознаніе своихъ верховныхъ правъ опиралось у вѣча на его силѣ, погибла сила Кіева подъ вліяніемъ тяжкихъ бѣдствій: княжескихъ разграбленій, Половецкихъ побѣговъ, наконецъ татарскаго погрома—погибло и вѣче какъ сила политическая.

Предлагаемое сочиненіе—студенческая работа, писанная въ 1878—79 году. Послѣ указаннаго времени появилось нѣсколько трудовъ, частію обнимающихъ весь вопросъ о вѣчѣ, частью затрогивающихъ отдѣльныя части этого вопроса. Къ числу первыхъ принадлежитъ сочиненіе г. Лимберта: Предметы вѣдомства „вѣча“ въ княжескій періодъ древней Россіи (Варшавскія Унив. Извѣстія 1877 № 1—3: хотя это сочиненіе и напечатано еще въ 1877 г., но мы не имѣли его подъ руками во время писанія нашей работы). Авторъ ортодоксально придерживается основной мысли г. Самоквасова, который признаетъ вѣче политическимъ органомъ только въ Новгородѣ и Псковѣ и отрицаетъ такое его значеніе въ остальныхъ княжествахъ древней Руси. Исходя изъ этой мысли, авторъ отрицаетъ за вѣчемъ княжествъ право призванія и изгнанія князя и вообще всякое участіе въ политическихъ дѣлахъ, оставляя, подобно г. Самоквасову, за вѣчемъ княжествъ одну лишь внутреннюю, административно-хозяйственную дѣятельность. Вмѣшательство народа въ общественныя дѣла, по мнѣнію автора, являлось лишь какъ исключеніе и происходило вслѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ и прочныхъ постановленій относительно права наслѣдованія столовъ (p. 48 et passim). Теорію вѣча г. Самоквасова мы уже разбирали, поэтому не находимъ нужнымъ разбирать воззрѣнія г. Лимберта, составляющія только иллюстрацію основныхъ положеній г. Самоквасова. Замѣтимъ только, что главный недостатокъ историковъ—юристовъ состоитъ въ стремленіи отыскивать вездѣ строгую опредѣленность, замкнутыя рамки, гдѣ же они не находятъ такихъ рамокъ, тамъ тотчасъ начинаютъ говорить о незаконности, исключительности извѣстнаго явленія, забывая объ очень простыхъ истинахъ, что жизнь никогда не укладывается въ строгія рамки, что обычай предшествуетъ закону, что право можно имѣть, но или не желать или не имѣть возможности имъ воспользоваться. Во всякомъ случаѣ, оставаясь въ предѣлахъ уваженія къ другимъ научнымъ трудамъ г. Самоквасова, мы полагаемъ что замѣчанія его на классическій трудъ г. Сергѣевича (Вѣче и князь) не

уменьшили нисколько цѣнности и правильности выводовъ этого уважаемаго ученаго....

Вѣчу древней Руси посвящено нѣсколько страницъ во II-мъ томѣ Исторіи Россіи Д. И. Иловайскаго (Москва 1880 г. р. 299—301).

По мнѣнію почтеннаго изслѣдователя „Русское вѣче или обычай сходки, совѣщанія объ общемъ дѣлѣ есть такое же древнее учрежденіе какъ и княжеская власть. Въ эпоху историческую видимъ совмѣстное ихъ существованіе на Руси, но при явномъ подчиненіи вѣча князю. Междоусобная борьба князей за волости и частая нужда искать поддержки у мѣстнаго населенія способствовали развитію и укрѣпленію вѣчевыхъ обычаевъ... Вообще народный совѣтъ усиливается во времена смутныя, безпокойныя, въ особенности междукняжескія... но въ спокойное время, особенно въ тѣхъ земляхъ, гдѣ какая либо вѣтвь получила осѣдлость и значеніе мѣстной династіи, встрѣчаемъ рѣдкое упоминаніе о вѣчахъ. За исключеніемъ Великаго Новгорода, народное вѣче нигдѣ не представляетъ намъ твердыхъ опредѣленныхъ формъ и мы тщетно пытались бы разъяснить вѣчевые обряды, способъ собиранія голосовъ, предѣлы вѣчевой власти и т. д.... такъ называемаго ценза не существовало, и въ вѣчевыхъ собраніяхъ учавствовали всѣ свободные граждане, но не молодежь“.

Оригинальность мнѣнія почтеннаго ученаго состоитъ въ разъдѣленіи вѣча на большое и малое „Большое народное вѣче... собиралось не часто, а только въ важныхъ случаяхъ, преимущественно во времена смутъ и безначалія. Болѣе постояннымъ учрежденіемъ является повидимому малое вѣче, когда лучшіе луди, т. е. городскіе старцы или домовладыки, наиболѣе зажиточные и семейные созывались на княжій дворъ для совѣщанія вмѣстѣ съ его боярами и дружиною подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ самаго князя. Иногда приглашалось къ князю на вѣчевое совѣщаніе духовенство, а въ особенно важныхъ случаяхъ призывались дружинники и земскіе лучшіе люди изъ пригородовъ и волостей“ (р. 301).

Мы не согласны съ почтеннымъ изслѣдователемъ только относительно его мнѣнія о явномъ подчиненіи вѣча князю въ историческій періодъ. Мы думаемъ, что земля всегда сознавала свою верховную власть, князя считала ничѣмъ инымъ, какъ выборнымъ чиновникомъ, функціями котораго были судъ и защита земли, отношеніе къ избранному на такихъ основаніяхъ лицу было вполнѣ свободное при чемъ

правда на югѣ къ этому отношенію прибавлялось много теплоты и такъ сказать патріархальности; этому способствовалъ здѣсь рядъ дѣйствительно прекрасныхъ лицъ на княжескомъ столѣ, (таковы Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ, Изяславъ Мстиславичъ) укрѣпившихъ у земства довѣріе къ княжеской власти. Отличительной чертой южнаго населенія древней Руси было довѣріе къ лицу, а не къ учрежденію.

Что касается мысли о раздѣленіи вѣча на большое и малое, то объ этомъ мы скажемъ нѣсколько ниже, замѣтимъ здѣсь лишь то, что въ историческій періодъ мы знаемъ о существованіи двоякаго рода вѣчъ только въ Новгородѣ (существованіе особаго сената въ Новгородѣ указано г. Никитскимъ въ его статьѣ „очерки жизни В. Новгорода, правительственный совѣтъ, въ Ж. М. Н. П. за 1869 г. № 10).

Въ послѣднее время къ числу мнѣній о старцахъ (см. выше р. 10) прибавилось еще два: мнѣнія проф. Ключевскаго и проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

Г. Ключевскій въ сочиненіи „Боярская Дума древней Руси. (Русская мысль 1880 г. № 1 р. 57—59) считаетъ старцевъ представителями неслужилаго населенія и, кажется, одного лишь городскаго, болѣе точнаго опредѣленія старцевъ (т. е. чѣмъ обусловливалось ихъ представительство, были-ли они выборные лучшіе люди или представительство ихъ основывалось на знатности рода) изъ словъ автора мы заключить не могли. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ критическомъ разборѣ сочиненій г. Загоскина (Исторія права московскаго государства) и упомянутаго сочиненія г. Ключевскаго (Сборникъ Государственныхъ знаній т. VIII р. 104—124) высказываетъ мнѣніе, что старцами (тоже что старѣйшины по мнѣнію автора), назывались высшіе люди въ государствѣ, бояре, но только не служилые бояре, а земскіе. Сознаемся, что аргументація уважаемаго изслѣдователя показалась намъ на столько убѣдительной, что мы готовы отказаться отъ нашей попытки различенія лѣтописныхъ старцевъ отъ старѣйшинъ.

Приведемъ главнѣйшіе доводы мнѣнія М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

Указавъ, что упоминаемые въ разсказѣ о мести Ольги надъ Древлянами „лучшіе мужи, иже держатъ Деревьскую землю“ одно и тоже, что и „старѣйшины града захваченные Ольгой въ Искоростенѣ („въ Искоростенѣ плѣнено было все населеніе, преимущественно же боярское, лучшее, ибо здѣсь страна защищала свой главный городъ, въ

которомъ и не въ военное время сосредоточивались лучшія силы общества" р. 116), уважаемый авторъ, хотя и считаетъ очевиднымъ тождество „старѣйшинъ града" со „старцами градскими", но приводитъ для большей убѣдительности одно, дѣйствительно весьма вѣское доказательство. „Древнѣйшій лѣтописецъ по одному случаю приводитъ изъ Библіи изображеніе идеальной семейной жизни и переводитъ это мѣсто на свой языкъ такъ: взоренъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея (хорошей жены) внегда аще сядетъ на сонмищи съ *старци и съ жители земли*". Это же самое мѣсто въ латинскомъ періодѣ Библіи читается „Nobilis in portis vir ejus, quando sederit cum *senatoribus* terrae; а въ древне-чешскихъ: slechtic jest u brame jeji muz, kdyz sedi *s kmety zemskymi*". Итакъ нашъ лѣтописецъ словомъ „старци" выразилъ то понятіе, которое на латинскомъ языкѣ выражается словомъ „сенаторъ", а на древне-чешскомъ *кметъ*. Терминъ—Сенаторъ всякому извѣстенъ; но многимъ также извѣстно, что кметъ на древне-чешскомъ языкѣ означалъ самаго высшаго сановника и вмѣстѣ высшій классъ общества (такъ на Сеймѣ Любуши присутствуютъ кметы, лехи и владыки)". (р. 116).

Къ этому доказательству почтенный ученый прибавляетъ еще одно соображеніе: (ib.) въ лѣтописныхъ разсказахъ о совѣщаніяхъ Владиміра св. иногда въ числѣ совѣтниковъ князя вовсе не упоминаются бояре, а лишь одни старцы.... Трудно построить предположеніе, что здѣсь намѣренно отстранены отъ совѣщанія бояре, предположеніе наиболѣе вѣроятное, и скажемъ несомнѣнное то, что здѣсь слово „старци" означаетъ всю совокупность членовъ Думы, кромѣ епископовъ, т. е. подъ ними подразумѣваются и старѣйшины собственно и бояре. Далѣе иногда въ разсказѣ о совѣтѣ св. Владиміра „старцы" предшествуютъ боярамъ".

Въ своей небольшой статьѣ, главная задача которой состояла притомъ не въ изложеніи собственыхъ мыслей, а въ критикѣ чужихъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ не могъ отвѣтить на всѣ вопросы, которые возникаютъ при указанномъ имъ рѣшеніи вопроса о старцахъ. Позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторое дополненіе къ мыслямъ уважаемаго ученаго. Указанное г. Иловайскимъ двоякое вѣче, большое и малое, существовало лишь въ древнѣйшій періодъ (до конца X в. примѣрно), малое вѣче (или по терминологіи М. Ф. Владимірскаго-Буданова боярская дума, сенатъ) состояло изъ княжескихъ служилыхъ людей (служилыхъ, дружинныхъ бояръ) и старцевъ или старѣйшинъ (земскихъ бояръ)

но рядомъ съ малымъ вѣчемъ существовало и общее, большое вѣче, въ которомъ участвовали всѣ правоспособные (по нашему мнѣнію одни домохозяева, отцы семействъ); что это было такъ, на это мы имѣемъ доказательство во 1-хъ въ разсказѣ о Бѣлгородскомъ вѣчѣ (см. выше р. 11), гдѣ ясно различается общее вѣче отъ вѣча старѣйшинъ градскихъ, во 2-хъ въ примѣрѣ Балтійскихъ Славянъ, у которыхъ точно такимъ же образомъ существовало двоякое вѣче (см. Котляревскій, Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ р. 120—121)[1]. Съ XI вѣка однако мы не встрѣчаемъ на югѣ ни одного факта существованія малаго вѣча; причину его изсчезновенія М. Ф. Владимірскій-Будановъ весьма удачно объясняетъ тѣмъ, что въ „вездѣ, кромѣ Новгорода и Пскова, служилые бояре слились съ земскими; служилые пріобрѣли осѣдлость, землю, а съ него и значеніе въ землѣ, земскіе поступили на службу". (р. 117). Мысль о сліяніи земскихъ бояръ со служилыми совершенно вѣрна для кіевской земли; тщательно просмотрѣвъ упоминанія лѣтописи о Кіевскихъ боярахъ, мы нигдѣ не нашли фактовъ существованія въ Кіевѣ (съ XI в.) отдѣльнаго сильнаго боярскаго сословія, по мимо княжеской дружины[2]. (Вообще намъ кажется, что

---

[1]) „Способъ рѣшенія дѣлъ происходилъ посредствомъ совѣщаній: вѣчей и сеймовъ. Вѣче (у Балтійскихъ славянъ) было двухъ родовъ: одно—открытое всенародное, имѣвшее мѣсто sub jove на площадяхъ или особыхъ вѣчевыхъ мѣстахъ, гдѣ были устроены въ Штетинѣ для этого вѣчевыя ступени или возвышенія, съ которыхъ можно было говорить къ народу; другой родъ вѣча—частный или закрытый—происходилъ въ особыхъ помѣщеніяхъ или въ зданіяхъ, принадлежащихъ святилищу и называвшихся континами (въ Штетинѣ); здѣсь учавствовали только члены правительства, старѣйшины, знатные люди земли, вообще—правительственный совѣтъ. Обсудивъ дѣло, они предлагали свое рѣшеніе на утвержденіе народа и къ исполненію. Сеймы собирались въ случаѣ важныхъ дѣлъ, касающихся интересовъ всей страны; князь назначалъ время и мѣсто, знатные люди, воеводы, жупаны съѣзжались, обсуждали предстоявшія дѣла и постановляли свое рѣшеніе".

[2]) Иначе думаетъ В. Пассекъ въ статьѣ „Княжеская и докняжеская Русь". Чт. М. общ. Ист. 1870 III р. 15—16, который говоритъ, что въ Кіевѣ „Дружина собственно княжеская существовала долго послѣ основанія государства, но при преданности князьямъ дружины мѣстной, боярской, несравненно сильнѣйшей, она показывается рѣдко и играетъ роль

древне-русскія княжества по отношенію къ боярскому сословію можно раздѣлить на 3 типа: типъ Новгородскій, къ которому принадлежатъ кромѣ Пскова еще Смоленскъ и Полоцкъ, типъ Кіевскій, къ которому можно причислить кромѣ Кіева и Черниговъ и типъ Галицкій, къ которому отчасти принадлежитъ и Волынь). Дружинники, служившіе одному князю, переходили обыкновенно на службу къ его преемнику на Кіевскомъ столѣ: такимъ образомъ земскіе бояре перешли въ дружинные.

Вопросъ о вѣчѣ вызываетъ цѣлый рядъ весьма важныхъ и интересныхъ общихъ вопросовъ относительно государственнаго и общественнаго устройства древней Руси, но коснуться ихъ мы не имѣли возможности, такъ какъ задача нашей статьи состояла лишь въ томъ, чтобы прослѣдить исторію, постепенный ростъ и упадокъ одного лишь Кіевскаго вѣча.

незамѣтную въ исторіи Кіева *главнѣйшія же силы Кіевскихъ князей скрываются въ дружинѣ мѣстной* „(р. 16). Впрочемъ мнѣнія своего г. Пассекъ фактамъ не подкрѣпляетъ".

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

		НАПЕЧАТАНО.	ДОЛЖНО БЫТЬ.
Стр.	5 строчка	7 съ н. носять	носять
—	6 —	1 съ н. *задумавше*	*здумавше*
—	13 —	9 съ н. Берестовомъ	Берестовѣ
—	— —	2 съ н. замышлялъ, что то	замышлялъ что то
—	17 —	14 съ в. сыны	сыну
—	19 —	17 съ н. отнесть	отнестись
—	24 —	2 съ в. лотописи	лѣтописи
—	— —	11 съ в. земство	земства
—	27 —	16 съ в. *раззореніем учинить*	*раззореніе учинишь*
—	31 —	12 съ н. убѣжда	убѣждая
—	34 —	13 съ н. слыслѣ	смыслѣ
—	44 —	16 съ в. прикрывались	прикрывался
—	— —	18 съ в. Вячеслва	Вячеслава
—	— —	20 съ в. право	права
—	45 —	10 съ в. *вси* такъ	*вси*, какъ
—	56 —	4 съ в. вѣчѣ	вѣча
—	— —	5 съ в. вѣча	вѣчѣ
—	63 —	9 съ в. періодѣ	переводѣ.